
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

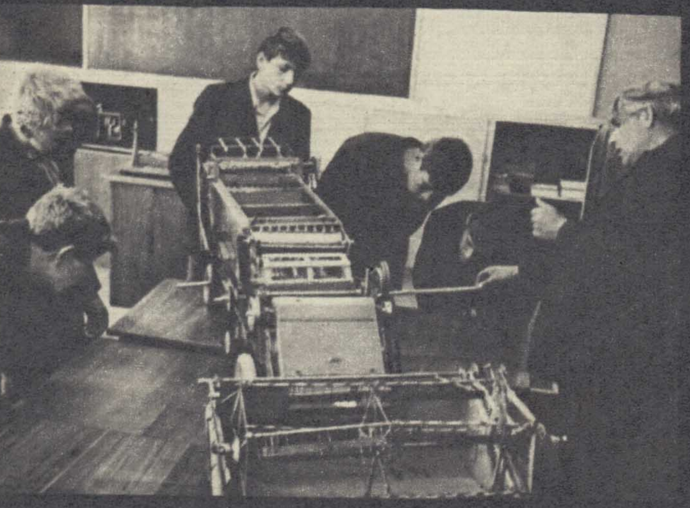
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2562)

14 АВГУСТА 1976

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

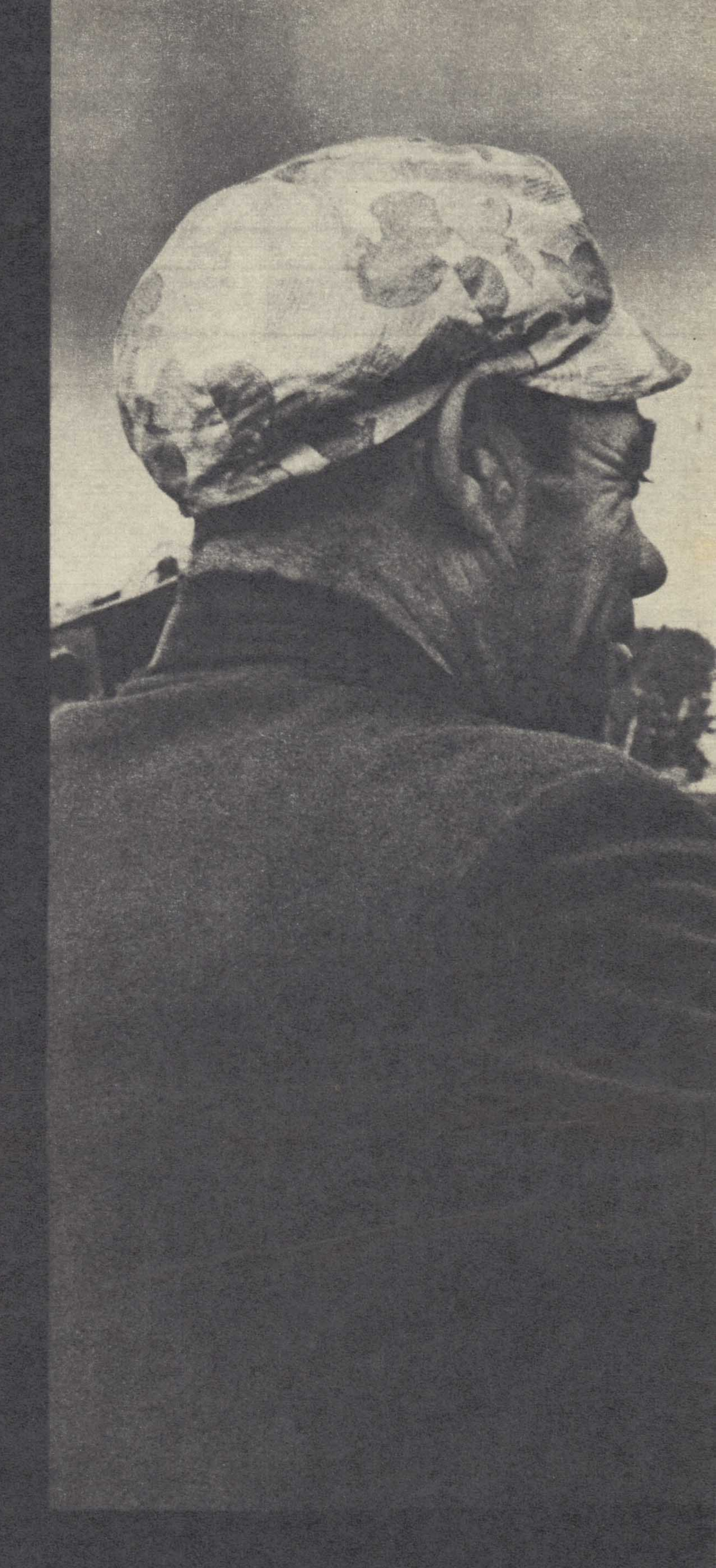
Урок проводит В. С. Якушев, тема: «Комбайн».

Первая любовь!

Кабинет растениеводства.

Н. ДАНИЛОВ

Фото автора

«СЕГОДНЯ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ НУЖНЫ НЕ ПРОСТО РАБОЧИЕ РУКИ, А СПЕЦИАЛИСТЫ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ, ВЛАДЕЮЩИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКОЙ, ПОДЛИННЫЕ МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из приветствия участникам слета выпускников средних школ Костромской области, изъявивших желание работать в сельскохозяйственном производстве.

Доволен мастер производственного обучения В. С. Оводов, доволен и Сергей Захряпин.

Эти слова товарища Л. И. Брежнева близко к сердцу приняли тысячи сельских юношей и девушек, которые ныне держат экзамен на гражданскую зрелость.

Летом школьники села Большие Салтыки, что на Рязанщине, помогают своему совхозу. К урокам труда в поле старшеклассники относятся по-разному: одни по-детски, как к игре, другие по-крестьянски серьезно, с прицелом на будущее. А я помню деревенское детство в годы войны, когда мы, пацаны, и наши сестренки заменяли ушедших на фронт. Тяжело было. Машин никаких, только детские да женские руки, а в них — вилы, косы, лопаты, пилы. Тяжело было, а навыки те пригодились, да еще как. Поймут это после летней практики в совхозах и колхозах ребята, которые каждое утро выходят в поля за Большими Салтыками.

...Составили девушки тяпки в пирамиду и поют среди зеленого разлива тоненько, со значением: «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати...» Но Петруша, или Слава, или Юра, их одноклассники, еще не имеют права на вождение трактора. Современный механизатор — это обязательно классный специалист широкого профиля. Учиться на механизатора надо не один год. Многие ребята и девушки из Больших Салтыков и окрестных сел после восьмилетки учатся в Ряжском сельском ПТУ № 15. Среди его питомцев немало отличных

См. стр. 12.

Молодые гребцы московской школы «Юность» встретились с воспитанником этой школы, ныне чемпионом XXI Олимпийских игр на каноэ-одиночке Александром Роговым.
Фото А. Бочинина.

ПОДАРКИ К ПРАЗДНИКУ

14 АВГУСТА
ВСЕСОЮЗНЫЙ
ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

А. И. КОЛЕСОВ,
заместитель председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

В нынешнем году Всесоюзный День физкультурника наша страна отмечает особенно радостно — сразу же после большой победы сборной команды СССР на XXI Олимпийских играх в Монреале.

47 золотых, 43 серебряных и 35 бронзовых медалей — вот какие подарки привезли на Родину своим друзьям-физкультурникам советские олимпийцы. В неофициальном командном зачете наша команда набрала 788,5 очка, обогнав своих ближайших соседей по олимпийской таблице, спортсменов братской Германской Демократической Республики, на полтораста очков. и команду США, занявшую третье место.

Победа советских спортсменов будет еще долго осмысливаться и изучаться нашими соперниками. Самым доскональным образом они будут пытаться раскрыть, в чем сила наших гимнастов и гребцов, борцов и фехтовальщиков, штангистов и гандболистов. Но главная суть нашей победы таится не в успехах представителей того или иного вида спорта, она в самих глубинах многомиллионного физкультурного движения, чей праздник мы отмечаем сегодня.

Можно смело сказать, что если бы не было в нашей стране 220 тысяч физкультурных коллективов, если бы не занимались в нашей стране самыми различными видами спорта

Хозяева стальных магистралей КНДР.
Фото ЦТАК — ТАСС

15 АВГУСТА
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРАЗДНИК КНДР —
ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ДОРОГИ

Бегут, разрезая синие сопки и ленты рисовых полей, от Пхеньяна стальные магистрали. Составы везут уголь и руду, тракторы и станки с программным управлением, изделия химиков и знаменитые яблоки — все то, чем гордится корейский народ, ставший 31 год назад хозяином своей земли.

Японские колонизаторы оставили здесь несколько железных дорог, размещение которых было неравномерно, не отвечало интересам экономического развития страны. Сразу после освобождения в Северной Корее началась перестройка всей системы транспорта. Братскую помощь молодой республике оказали социалистические страны.

Сейчас по объему грузооборота и технической оснащенности железнодорожного транспорта КНДР находится на уровне передовых государств. С каждым годом удлиняется сеть стальных артерий, и сегодня их протяженность

более пятидесяти миллионов человек, если бы не получал с каждым годом все большее развитие комплекс «Готов к труду и обороне», не было бы и наших побед на Олимпийских играх, как предыдущих, так и последних, в Монреале.

Сочетание массовости и высокого спортивного мастерства — вот в чем главный секрет наших успехов, и мы его никогда ни от кого не утаивали. В нашей стране спорт получил широкое и, что очень важно, гармоническое развитие, и это нашло свое отражение в олимпийской команде СССР. Мне, как бывшему борцу, участнику Олимпийских игр в Токио, конечно, особенно приятно триумфальное выступление наших борцов всех стилей в Монреале — ведь они завоевали там 14 золотых медалей. Но разве могли бы борцы без помощи наших замечательных гимнастов, штангистов, фехтовальщиков, гандболистов, гребцов на каноэ и байдарках обеспечить командную победу? Разве не внесли свою посильную лепту в эту победу и пловцы и легкоатлеты? Да, в Монреале наша команда была самой гармоничной по своим силам, по своему мастерству, и в этом главная причина ее успеха.

Конечно, пока не все виды спорта получили у нас то развитие, которого они заслуживают, и, готовясь к следующей, московской Олимпиаде, мы постараемся значительно повысить уровень мастерства и наших бегунов и наших пловцов, но это вовсе не значит, что мы откажемся от гармонического внедрения спорта в массы советского народа.

Спартакиада народов СССР, молодежные игры, другие комплексные соревнования помогли нам раскрыть за последнее время множество спортивных талантов. Достаточно сказать, что наша монреальская команда более чем на две трети состояла из молодых спортсменов, впервые вышедших на олимпийскую арену.

Отмечая Всесоюзный День физкультурника, окидывая взглядом пройденное, мы помним о том, что впереди наша, московская Олимпиада, к ней подготовку надо начинать, не теряя ни одного дня. И теперь перед нашими организаторами спорта, тренерами возникают новые большие задачи: они должны как можно лучше использовать спортивные сооружения, которые строятся с каждым годом все в большем числе и в городах и в селах. Они должны привлекать к сдаче норм на значок ГТО все больше молодежи, они должны увеличивать число занимающихся в различных секциях, повышать качество этих занятий. Физкультура и спорт — нерасторжимые понятия, и еще одно доказательство этому — наша полнейшая победа на XXI Олимпиаде в Монреале.

СОЗИДАНИЯ

составляет свыше 5 тысяч километров. Половина из них электрифицирована, в том числе такие важнейшие линии, как от Пхеньяна до Синыйчжу на северо-западе и до Рачжина на северо-восточной окраине страны.

В КНДР производятся современные электровозы, пассажирские и грузовые вагоны. В цехах Пхеньянского электровозостроительного завода вы встретите советские станки. Среди объектов, которые сооружаются и реконструируются при участии СССР, — завод по выпуску железнодорожных вагонов. Это символы взаимовыгодного сотрудничества наших двух государств.

Пока дороги кончаются у 38-й параллели. Она разделяет полуостров. Но корейский народ, последовательно выступающий за мирное объединение родины, убежден: настанет день, когда дорога единства свяжет его страну.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ

Юрий ПОПОВ

Перевязанная тесьмой стопка записных книжек, обтрепанных от длительного пребывания в карманах, с бесчисленными адресами, именами и записями на скорую руку, похожими подчас на замысловатые ребусы, хранит память о многих годах, проведенных в Индии. Сейчас я их вновь перелистал, и записи ожили, заговорили, засветились яркими красками индийской природы, зазвенели звуками больших городов, мелодиями песен, всплесками прибрежных лазурных вод.

Нам, советским корреспондентам, приходилось много путешествовать по этой замечательной стране, посещать крупные стройки, знакомиться с жизнью людей и в городах и в селах. И хотя записные книжки — это теперь уже хроника, летопись десяти-пятнадцатилетней давности, но в ней тоже отражены этапы развития наших отношений, шаги нашей дружбы и сотрудничества.

Вот запись четырнадцатилетней давности. Со станции Паноли, около Анклешварских нефтяных промыслов, отправился первый состав с нефтью на Бомбейский нефтеперегонный завод. Это был настоящий праздник и для индийских и для советских специалистов, помогавших в разведке и эксплуатации месторождений.

С тех пор отсюда ушли многие сотни составов с нефтью и уже не на Бомбейский завод, а на принадлежащий к государственному сектору завод в Барауни.

Для сравнения — последняя цифра, взятая из сегодняшней прессы, — в настоящее время свыше 50 процентов добычи нефти и 30 процентов ее переработки осуществляется предприятиями, сооруженными с советской помощью в рамках государственного сектора экономики Индии.

Почти ровно двадцать лет назад группа первых советских туристов совершала перелет из Калькутты в Бомбей. Пилот самолета «Эйр Индия» где-то на полпути вышел из кабины и, ткнув пальцем вниз, произнес тогда еще малознакомое слово «Бхилаи». Мы ничего не видели, кроме четко расчерченного на земле овала и каких-то квадратных площадок. Стройка только начиналась.

Через семь лет мне довелось побывать здесь «на земном уровне», и я видел, как индийцы плавят сталь на огромном заводе, построенном в сотрудничестве с Советским Союзом. Сейчас другой гигант, «брат Бхилаи» — Бокаро, уже превзошел по мощности Бхилайский металлургический комбинат, а всего в рамках государственного сектора на заводах, построенных с помощью Советского Союза, производится теперь свыше тридцати пяти процентов всей индийской стали.

Кто в Индии не знает городов Хардвар и Ришикеш! Именно здесь прозрачные воды Ганга вырываются из горных теснин на широкую и ровную, как обеденный стол, равнину. В дни религиозных праздников сюда стекаются толпы паломников, чтобы воздать хвалу богам. Но сейчас эти два города-соседа приобрели другую славу. Здесь с участием Советского Союза были сооружены два крупных предприятия — завод тяжелого электрооборудования и завод антибиотиков. Еще две цифры: 60 процентов тяжелого электрооборудования в стране и 50 процентов выпуска основных лекарств производится в настоящее время на заводах, построенных в рамках советско-индийского сотрудничества.

Цифр и фактов можно привести великое множество. Но упомяну здесь всего лишь еще об одном: с участием советских людей подготовлено более 70 тысяч квалифицированных рабочих, техников и инженеров. Это уже такой капитал, который не менее, а зачастую более ценен, чем машины и механизмы.

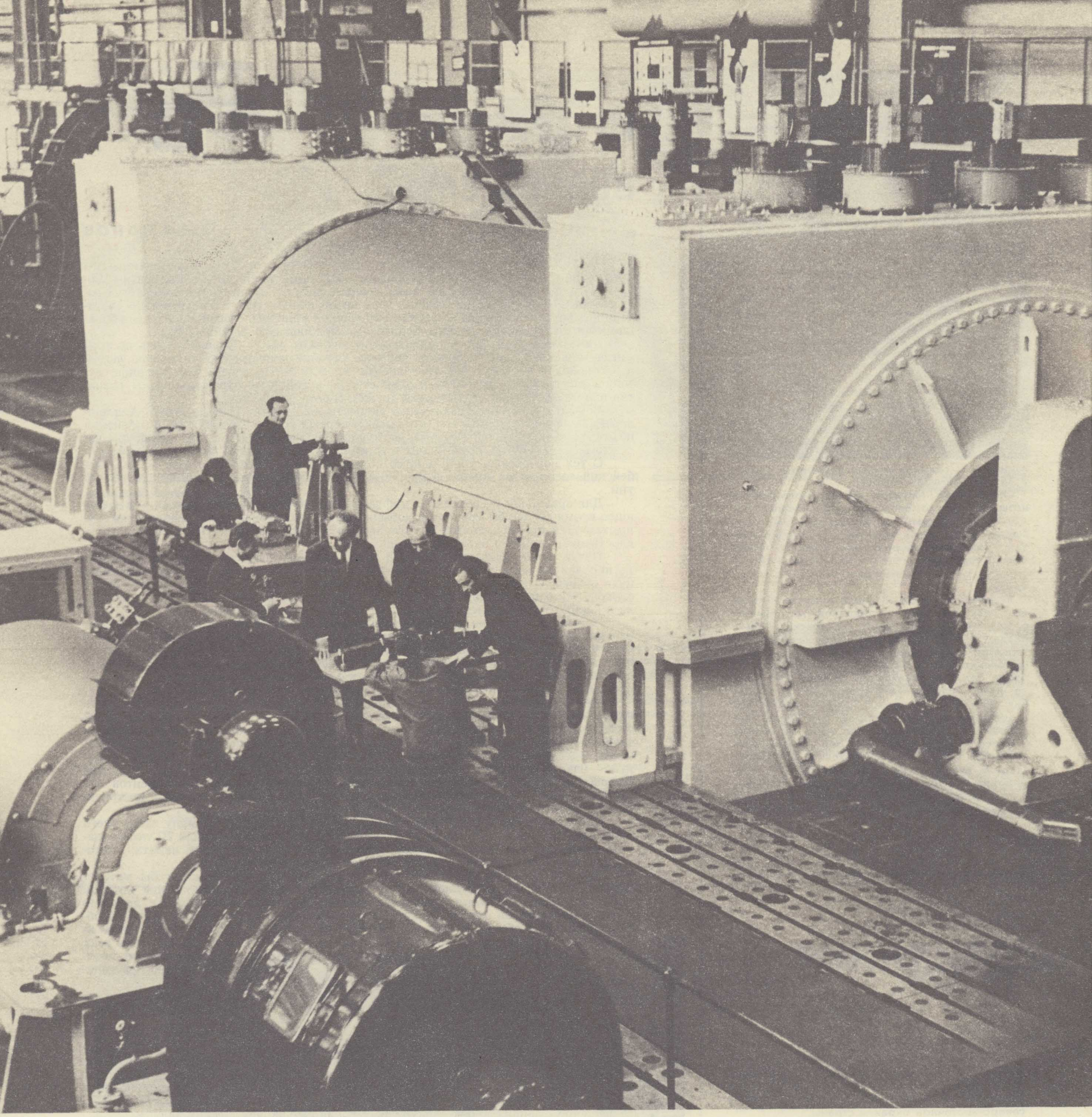
Заводы, фабрики, электростанции, нефтепромыслы явились как бы материальным воплощением дружбы между двумя странами, дружбы, этапы которой отмерены также визитами правительственных делегаций, важнейшими документами, подписанными двумя сторонами, расширением культурного и научного обмена. Начиная с обмена нотами об установлении дипломатических отношений между двумя странами на самой заре независимости Индии и на протяжении всех последующих лет мы видели, как под наши отношения подводилась все более прочная документальная база в форме совместных деклараций, коммюнике, соглашений, договоров.

Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией, пятая годовщина которого исполнилась 9 августа, занимает в этом ряду самое почетное место.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев всегда уделял большое внимание развитию дружбы между Индией и СССР. Выступая с Отчетным докладом на XXV съезде КПСС, он указывал: «Тесное политическое и экономическое сотрудничество с Республикой Индией — это наш постоянный курс. Советские люди с симпатией, более того, с чувством солидарности относятся к миролюбивой индийской внешней политике, к мужественной борьбе прогрессивных сил страны за решение стоящих перед ней трудных социально-экономических задач».

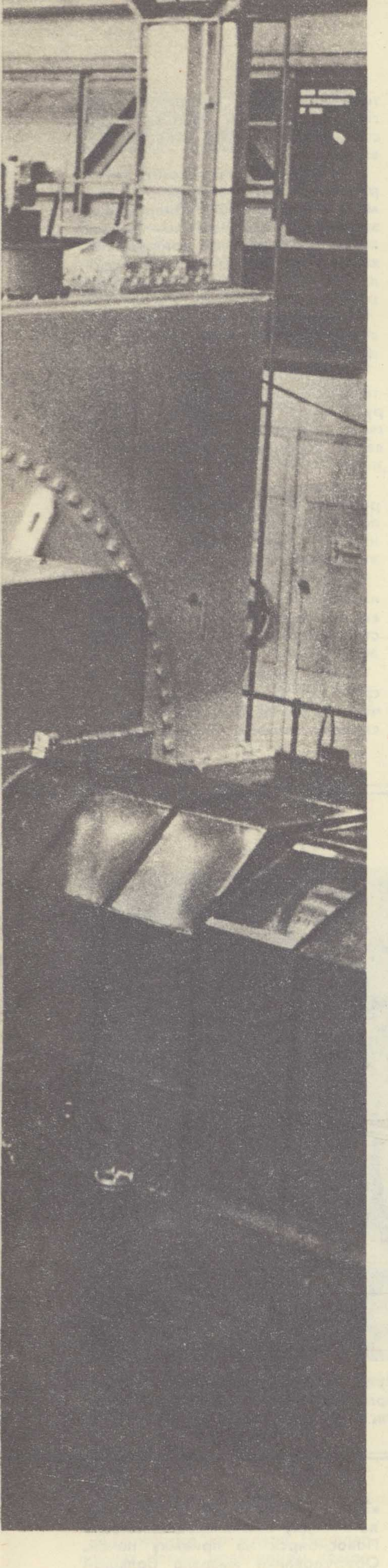
Дружба между СССР и Индией стала важным завоеванием, благотворно воздействующим на международную обстановку в целом, она служит мощным действенным фактором укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире.

Пять лет, прошедшие со времени заключения договора, продемонстрировали вновь, что советско-индийские отношения поднялись на новую ступень. В послании Президенту Республики Индии Фахруддину Али Ахмеду и Премьер-Министру Индире Ганди товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин отмечают, что за истекшие пять лет советско-индийские отношения, закрепленные договором, получили дальнейшее всестороннее развитие, наполнились новым содержанием. Они еще более обогатились в результате взаимного обмена визитами на высшем уровне в 1973 и 1976 годах, что нашло свое конкретное выражение в подписанных в ходе этих визитов документах. «Мы уверены, — отмечается в послании, — что нерушимая дружба и плодотворное сотрудничество между Советским Союзом и Индией будут и впредь углубляться и расширяться в интересах наших народов, во имя всеобщего мира и международной безопасности».

На испытаниях турбогенератора мощностью 1 миллион 200 тысяч киловатт.

ИСПОЛИ

адреса великих свершений

В ЧИСЛЕ МНОГИХ ВЫДАЮЩИХСЯ СВЕРШЕНИЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ В РЕЧИ ПРИ ЗАКРЫТИИ XXV СЪЕЗДА КПСС НАЗВАЛ «...САМЫЙ МОЩНЫЙ В СТРАНЕ ТУРБОГЕНЕРАТОР В 1 МИЛЛИОН 200 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ...», СОЗДАННЫЙ ТРУЖЕНИКАМИ ГОРОДА НА НЕВЕ. НАШ РАССКАЗ — ОБ ЭТОЙ УНИКАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ МАШИНЕ.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. АНАНЬЕВА

Н

Мне много раз приходилось бывать на заводе «Электросила», где рождаются генераторы. Первая запись в моем блокноте, относящаяся к заводу, помечена 1952 годом. Тогда я присутствовал при завершающем этапе сборки турбогенератора мощностью в 150 тысяч киловатт. По тем временам он был самым крупным, совершенным и экономичным. Запуск таких агрегатов в серию имел огромное значение для развивающейся советской энергетики. Но конструкторы «Электросилы» уже тогда намечали новые рубежи. И вот спустя пять лет по их проектам были созданы машины в 200 тысяч киловатт. Еще через четыре года — в 300 тысяч киловатт, а в минувшей пятилетке «Электросила» дала стране турбогенераторы мощностью в 500 и 800 тысяч киловатт.

Но и это был лишь этап на пути к созданию новых, самых современных, уникальных машин. И вот родился исполин: 1 200 000 киловатт. Такая мощность заключена в одном сверхскоростном двухполюсном агрегате. Новая страница в летописи славных побед советских энергомашиностроителей!

Страна получила машину, обладающую высочайшим коэффициентом полезного действия — 99 процентов — и самым низким удельным весом затрат материалов и металла.

— На каждый киловатт мощности здесь расходуется всего лишь полкилограмма металла, а на наш серийный, «трехсоттысячный», — вдвое больше, — говорит о новом детище «Электросилы» главный конструктор Гарри Михайлович Хуторецкий. — Можете себе представить, какую ощутимую экономию металла и изоляционных материалов дадут эти генераторы. К тому же снизятся расходы и на строительство. Для двух таких машин потребуется вдвое меньшая площадь, чем для восьми генераторов по триста тысяч киловатт.

Нельзя сказать, что путь создания исполина был гладким. Сложности часто возникали и в цехах головного завода производственного объединения «Электросила», и у смежников. От Ижорского завода имени Жданова во многом зависело, быть или не быть новому турбогенератору. Ижорцы должны были поставить «Электросиле» стальную заготовку, первоначальный вес которой 230 тонн. Но на заводе не было печи, которая могла бы выдать столько металла за одну плавку. И все же выход нашли. После напряженных поисков решили варить сталь одновременно в мартеновской и в двух электрических печах. И новая трудность: при таком варианте сталеварам предстояло решить проблему синхронности в работе всех трех печей.

Бригадир сталеваров Алексей Иванович Малышев двадцать восемь лет варит сталь для энергетического оборудования, трубную сталь для нефтяников. Именно ему поручили ответственную плавку. Он вспоминает:

— Нелегко было уравнять скорость нашего мартена со скоростью электрических печей. Слишком разнятся технологические процессы. Волновались, конечно, все время на часы поглядывали, но нужный ритм выдержали, слиток получился нормальный.

А ведь это самый крупный слиток в истории отечественной металлургии.

С инженером-технологом Е. К. Горовой идем в цех. В пролете, прямо перед нами,— мощный ковочный пресс. На нем ижорские кузнецы ужали в диаметре огромную стальную заготовку в четыре раза и растянули в длину на двадцать метров. Виртуозная работа!

— Четыре часа ковали,— говорит Е. К. Горовая, — а потом отправляли заготовку в печь на разогрев. И так несколько раз. Возле пресса жарко, настоящее пекло. Трудно даже близко подойти. А кузнец Геннадий Петрович Калышев и его подручные будто и не замечали страшной жары. Работали спокойно, сосредоточенно.

Сталевары, токари, кузнецы, термисты — все они вложили труд и мастерство в эту гигантскую поковку. И для ижорцев сегодня она так же знаменательна, как в свое время был знаменателен для колпинских металлургов первый советский блюминг, сработанный ими на удивление всему миру.

Когда цельнокованый вал ротора доставили на «Электросилу», строители генераторов единодушно признали: «Чистая работа! Сделано отлично!»

Потекли будни, напряженные, полные хлопот. Одной из самых нелегких оказалась операция стыковки ротора со статором.

— Человек сто собралось тогда в турбокорпусе «Электросилы»,— рассказывает мастер транспортного участка Павел Петрович Рачкин.— Сторонних наблюдателей здесь не было, только участники этой сложнейшей и ответственной операции. Это ведь небывалый по габаритам генератор: нужно было завести узел — весом более ста тонн и длиною в двадцать метров — внутрь статора, не допустив при этом ни малейшего смещения, — столь мизерны здесь зазоры... Ротор доставили к месту стыковки двумя сочлененными кранами. С величайшей осторожностью еле заметно ротор подали вперед, и стал он входить в корпус статора. Полчаса длилась эта операция. Но запомнится она на годы, как и многие другие моменты создания генератора-великана.

И вот наступила та долгожданная минута, когда новый генератор водрузили на испытательный стенд в КМТ — корпус мощных турбогенераторов. По своей технической оснащенности он тоже уникальный, и называют его по-разному: одни — гигантской лабораторией, другие — испытательным полигоном. Но точно известно: нет зарубежной фирмы, которая располагала бы таким испытательным стендом. Представители «Дженерал электрик», побывав на «Электросиле» и осмотрев КМТ, заявили, что они «готовы возить сюда свои машины на испытания». Сказано, конечно, в шутку, но и с восхищением.

Корпус мощных турбогенераторов сооружен недавно. На его стенде испытания ведутся примерно под такой нагрузкой, с которой машина будет работать на электростанции. Обычно о полной характеристике турбогенераторов на заводе узнавали спустя длительное время после начала их эксплуатации на электростанциях. Сейчас вся диагностика машины от начала до конца проводится на заводском стенде в КМТ. Заказчик получит машину, в которую будут внесены все необходимые коррективы. Процесс доводки турбогенератора сокращен в пять раз!

— Генератор мощностью 1 200 000 киловатт предназначен для Костромской ГРЭС,— говорит главный инженер объединения, лауреат Ленинской премии В. В. Романов. — Мы изготовили его значительно раньше срока. Теперь перед конструкторами стоит новая задача — создание еще более мощного энергоблока. Только постоянным наращиванием мощности генераторов мы сможем решить поставленную партией задачу — быстрее и эффективнее увеличивать энергетический потенциал нашей Родины.

**Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный
корреспондент «Огонька»**

Фото автора

ВСТРЕЧИ НА ШВЕДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Эдуард Матусевич, заместитель генерального директора смешанной советско-шведской фирмы «Матреко ХАБ», расположенной в Бромме, предместье Стокгольма, показал мне популярный шведский журнал «Юрден рюнт». В номере рекламировались автомобили «ВАЗ» и тракторы «Беларусь», продажей которых в Швеции и занимается эта фирма. Сбыт машин идет удачно, и это в условиях жесточайшей, особенно автомобильной, конкуренции. Автомобилей каких только марок и каких только стран не встретишь на дорогах Швеции!

Однако журнал «Юрден рюнт» привлек мое внимание не только своими ярко красочными рекламами «ВАЗов» и «Беларуси». Весь номер — 125 страниц — посвящен Советскому Союзу. Рассказ о нашей стране начинается с обложки — со Спасской башни Кремля, с Красной площади. Форзац напоминает людям о великом подвиге советского народа: «1418 дней длилась Отечественная война». Ниже — репродукции известных книг и алая гвоздика. На следующей странице — легендарный крейсер «Аврора». Им как бы открывается многоплановое повествование о жизни нашей страны, о достижениях последних лет. Авторы статей — советские и шведские государственные деятели и журналисты. Завершающие страницы отданы строителям БАМа.

Столь доброжелательное и широкое представление СССР читателям Швеции вызывает, естественно, ответные чувства и у каждого советского человека, ступившего на ее землю. Оно как пролог к предстоящим встречам.

НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР

Стокгольм, подобно всем европейским столицам, не избегнул, а, может быть, еще больше подвергся влиянию нового. В одном ряду со знаменитым, в малахитовых тонах, с малахитовыми колоннами, зданием «Консертхюсета», в котором часто отмечаются торжественные в Швеции события, шеренга обычных современных стеклобетонных башен. Недалеко от солидного старого здания риксдага, что за мостом, прозрачная громадина нового, в котором сейчас помещается парламент. Много зданий, щедро облицованных листами нержавеющей стали. Той самой шведской нержавеющей стали, которая принесла этой стране громкую славу международного экспортера и прочные позиции на внешнем рынке. Впервые ее производство было освоено в 1924 году на заводе «Авеста Ернверкс», принадлежащем фирме «Юнсон».

У этой фирмы давнишние деловые связи с нашей страной. А несколько лет назад группа «Юнсон» получила права на продажу советского оборудования по специальной металлургии другим фирмам, выступая, таким образом, в роли агента Всесоюзного объединения «Энергомашэкспорт» (десятилетие со дня организации которого, кстати, исполнилось в этом году). Эта сторона деятельности концерна и привела меня на Стуреплан, 3.

В вестибюле шестиэтажного офиса — медленно вращающийся земной шар, на котором видно, где в данный момент находятся юнсоновские суда; сферические зеркала из нержавеющей стали; рулоны стального листа; подшипники... Они как бы завершают кинорассказ об истории компании, только что продемонстрированный специально для нас — старшего инженера торгпредства СССР в Швеции Геннадия Волочкова и меня, корреспондента «Огонька».

— Что представляет собой журнал «Огонек»,— интересуется Бенгт Нильсон, один из директоров,— каков его тираж?

Я рассказываю о журнале, о том, что видела его в киосках Стокгольма, о последних номерах, вышедших при мне в Москве. Зашел разговор о XXV съезде КПСС.

— О, Брежнев! — восклицает Нильсон.— Двадцать пятый конгресс! Сотрудничество, разрядка.— Он широко разводит руки в стороны, как бы демонстрируя этим жестом растущие масштабы сотрудничества, и повторяет по-шведски: — Самарбете! — И снова по-английски: — Советский Союз предпринимает новые шаги в своей внешней политике, направленные на снятие международной напряженности. Это открывает перспективы для дальнейших деловых контактов.

— Такое сотрудничество для группы «Юнсон» традиционно, оно растет из года в год,— дополняет Нильсона начальник отдела внешней торговли фирмы Свен Густавссон.— В 1972 году в Москве на Кутузовском проспекте открылось собственное представительство фирмы. Господин Косыгин был гостем фирмы «Юнсон», посетил завод «Авеста Ернверкс».

— Поставками советского оборудования для этого завода занималась контора № 2 «Энергомашэкспорта»,— замечаю я.— Нельзя ли на примере этой конторы показать, что конкретно было сделано за десять лет ее существования?

— Подписано и реализовано около 10 контрактов. Для нас это немало.

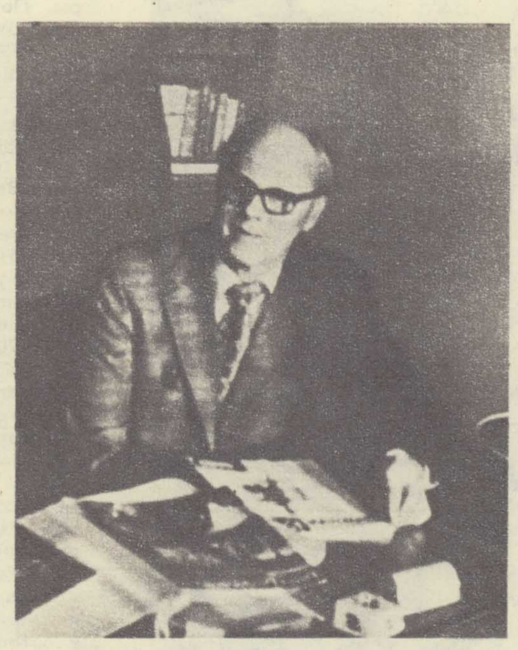
— Вероятно, на шведских металлургических заводах есть оборудование, поставленное и другими странами. Как вы оцениваете советское по сравнению с ним?

— Нам нравится комплексность решения ваших предложений: мы получаем не только оборудование, но и опыт работы на нем. В этом ваше преимущество.

— Советский Союз — очень надежный партнер,— резюмировал Нильсон.— Свои обязательства выполняет наилучшим образом.

— И точно в намеченный срок,— с удовлетворением подчеркнул Густавссон.— Это касается всех заказов. Вторая контора «Энергомашэкспорта» организовала поездку наших специалистов в Новосибирск на приемку печей. Оборудование вызвало большой интерес в Швеции. Сейчас по этому поводу мы ведем переговоры с «Удхольмом», «Сандвиком» и другими фирмами. Очень хорошо,— не без удовольствия повторяет он по-русски.

— Фирма «ЭСАБ», находится она в Гетеборге, советую там побывать, занимается изготовлением и продажей сварочного оборудования. При нашем участии подписано большое соглашение со второй конторой.— Ян Челеншерна, до сих пор не принимавший участия

Доктор Еран Альмквист, начальник лаборатории фирмы «ЭСАБ»: «Русские очень много сделали в области сварки...»

в разговоре, притушил сигарету.— Сотрудничество тут носит еще более глубокий характер — научно-технической кооперации.

— В чем это выражается?

— Например, головки для воздушно-плазменной резки металла очень большой толщины поставляет СССР, а фирма «ЭСАБ» доукомплектовывает установку двигателем и всем прочим. Такая установка есть на заводе в Авесте. Сотрудничество на базе кооперации, с моей точки зрения, весьма перспективно, хотя соглашения подобного рода заключать не просто. Тем не менее с «Энергомашэкспортом» у нас полное взаимопонимание. Директор второй конторы господин Сёмин-Вадов думает и о партнере, с ним приятно иметь дело.

— Ваш совет посетить фирму «ЭСАБ» можно рассматривать как своего рода приглашение? — осведомился Геннадий Волочков.

— Разумеется, и не только в Гетеборг. Мы обсудим программу...

Программа была обсуждена, и мне гостеприимно предложили поехать в Гетеборг в фирму «ЭСАБ» и на заводы «Авеста Ернверкс» в Авесте и «СКФ» в Хуфорсе.

Олег Петрович Бондаренко и Виталий Михайлович Баглай (третий слева) дают последние советы шведским коллегам перед отъездом на Родину.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

В Гетеборге нас ждали. На флагштоках перед правлением компании развеваются флаги: наш алый — советский, синий с желтым — шведский, желтый с четырьмя буквами «ЭСАБ» — фирменный. Три флажка и на столе, за который мы рассаживаемся. Ёста Фёрнстрем, директор по связи и печати, выложил на стол большую золотую медаль, и мы прочитали надпись, сделанную по-русски: «Торгово-промышленная палата. Ленинград».

— Первый приз, высшая награда! — торжественно произносит Фёрнстрем.— Мы ее получили на международной выставке «Сварка-75», которая состоялась в конце прошлого года в Ленинграде.

— За что вы ее получили? — спрашивает Геннадий Павлович Молчанов, начальник экономического отдела торгпредства СССР.

— Вот за этого рыжего робота,— с гордостью показывает фотографии Фёрнстрем.— Его оранжевая «рука» может принять любое положение — сваривает автоматически, по заданной программе, и сталь и алюминий.

— Мы уже продали около десяти таких роботов,— сообщает менеджер Тур Винстрем,— заводу «Шкода» в Чехословакии, например. Кроме роботов, фирма производит другие полуавтоматические сварочные машины, различную сварочную аппаратуру, трансформаторы и генераторы, необходимые для сварки. Однако мы не считаем себя лидерами сварочного производства — ведь есть на свете Институт Патона!

— Посмотрите на этот кораблик,— снова берет в свои руки инициативу Фёрнстрем и показывает фотографию.— Он был сварен по методу нашего инженера и организатора фирмы «ЭСАБ» Оскара Шелберга в 1919 году и жив, трудится до сих пор. Фирма располагает научно-исследовательским центром. Об этом лучше всего может рассказать доктор Ёран Альмквист, руководитель одной из наших лабораторий.

Доктор Альмквист высок, как истый швед, с крупными чертами лица, почтенно сед. Увидев фотографии робота на столе, он сразу же отказывается от него. Этот рыжий автомат к нему не имеет отношения. Никакого! Его узкая специальность — прутки, то есть электроды, их покрытия, обмазка, и флюсы, сам процесс сварки. Его стихия — электрошлаковая сварка. Да, та самая, которую открыл миру Патон-второй. Доктор лично знаком с академиком Борисом Патоном. Каждый год кто-либо из сотрудников бывает в Киеве. Доктор знаком с другими советскими профессорами.

— Ну, а что же электрошлаковая сварка? — пытаюсь я вернуть доктора Альмквиста к затронутой теме.

— В 1960 году мы купили лицензию на производство советских электрошлаковых сварочных машин. Это прекрасная машина. Мы создали ее модификацию с еще более высокими данными. Сейчас мы покупаем новую сварочную машину — «А-1150», фирма доукомплектует ее по электрической части и будет поставлять в Англию, Францию, Норвегию, Данию. Вы, русские, колоссально много сделали в области сварки и резки металлов. Петров, Бенардос, Славянов... Отец и сын Патоны... Не случайно первыми в мире вы произвели сварку в космосе!

После беседы Фёрнстрем и его жена Долорес, за которой мы заехали, показывают нам Гетеборг. В быстро густеющих сумерках расплываются очертания берега, контуры площадей и улиц. С вершины горы Рамбергед, куда мы наконец добираемся, разлито вокруг дрожащее сияние, точно мы в центре озера, усыпанного светлячками. Это огни верфей, заводов машино- и приборостроителей — здесь выпускаются автомобили «Вольво»; огни катков и стадионов, на которых не раз мерились силами советские и шведские спортсмены.

«АВЕСТА ЕРНВЕРКС»

Авеста — совсем небольшой, аккуратный, как все в Швеции, и какой-то безлюдный после Стокгольма и Гетеборга, тишайший (живет в нем менее 30 тысяч человек) городок. Много раз я слышала о нем. Прежде всего в Запорожье, на «Днепроспецстали», потом в Киеве, в Институте имени Патона, потом в Москве, в конторе № 2 «Энергомашэкспорта». Все считали своим долгом посоветовать: «Вот будете в Авесте, посмотрите то-то и то-то. «Авеста Ернверкс» — одно из ведущих предприятий Европы по производству нержавеющей стали». И именно тут поселилась наша советская, разработанная и построенная советскими специалистами техника! Действительно, можно, как говорит К. С. Ельцов, директор «Днепроспецстали», ходить там по цехам, насыщенным современными агрегатами и компьютерами, с гордо поднятой головой.

Завод расположен на берегу довольно широкой, в каменистом ложе реки Далельвен, впадающей в Ботнический залив. Первый на нашем пути заводской корпус музейной достопримечательности: узкие и редкие арочные оконца с решетками, недымящие трубы. Тут, оказывается, действительно заводской музей... А потом идут большие обыкновенные корпуса. Много корпусов.

— Какова производительность завода? — спросила я управляющего литейным и сталелитейным производством фирмы Ёсту Альсена, когда позже мы встретились в заводском кафетерии.

— Двести тысяч тонн стали в год. Хромовую руду, никель и титан мы получаем из Советского Союза. В то же время продаем вашей стране отдельные виды готового проката. Взаимовыгодный, так сказать, товарообмен.

— И покупаете к тому же еще у нас металлургическое оборудование,— добавляет Геннадий Павлович Молчанов.

— О да! То, чего у нас нет.

— Скажите, пожалуйста, почему у вас не работает — когда мы были в цехе, это видели — печь электрошлакового переплава, та, которая была поставлена несколько лет назад Новосибирским заводом? — спрашиваю я не без внутренней тревоги.— Может быть, какая-либо неисправность?

— Нет, нет, качеством установки мы очень довольны. Работает безукоризненно. Получаем то, что надо по заказу. Причина в другом. Нет спроса на тот металл, который она дает. Большое количество стали мы поставляем странам Западной Европы. А там, как вы знаете, экономический спад, сокращение производства.

— Куда же, на что главным образом идет ваша сталь?

— Для атомной энергетики, химической, целлюлозно-бумажной, пищевой промышленности, производства строительных материалов.

Последний мой вопрос касался только что смонтированной установки для воздушно-плазменной резки стальных плит очень большой толщины. Как она состыковалась со шведским оборудованием?

— Идут пусконаладочные работы. Ваш инженер господин Светлов тут.

Светлов? Ну, конечно же, это он в красном комбинезоне. Такие комбинезоны фирма «ЭСАБ» выдает иностранным специалистам. Рядом с ним другой человек, примерно одних с ним молодых лет. Но в желтом комбинезоне. Он из фирмы «ЭСАБ»: желтый цвет — цвет фирмы.

Вадим Светлов был явно чем-то огорчен. Что-то рассказывал окружившим его людям, что-то показывал. Те сосредоточенно слушали. Но как только он спросил, понятно ли, те посмотрели друг на друга и обескураженно пожали плечами.

И тут Вадим увидел нас. Обрадованно протянул перепачканные окалиной руки.

— Вы по-шведски говорите? — с надеждой спросил он.

— Нет.

— Вот беда! Переводчика нет, а они моего английского никак не понимают. А все ведь так просто: надо жестко крепить плазмотрон. Давайте попробуем вместе объяснить им.

Светлов увлек Молчанова, на ходу вводя его в курс дела. Геннадий Павлович тут же пересказывал услышанное шведам. И дело пошло на лад. Молодой человек в желтом комбинезоне, Бёрье Мальтвик, надел наушники, нажал на пульте слева какие-то кнопки, взял в руки щиток...

Я стала искать глазами, что же он будет резать. Неужели этот «чемодан» из литой стали? Он не в толщину кирпича, как говорил профессор в Гетеборге,— тут вся кирпичная ширина. Мы с Молчановым тоже вооружились щитками.

Треск. Ослепительно белое свечение. Тяжелые капли металла на срезе, будто он плачет.

— Смотрите, смотрите! — восхитился Молчанов.— Режет как по маслу! И быстро как!

Подошел довольный Вадим и стал показывать другую установку, которую отодвинули назад, в

тылы. Она американского происхождения, из США. Построена по другому принципу. И самое главное — мощность у нее не та, ровно в три раза меньше.

ЦЕХ В ХУФОРСЕ

Собственно, если бы не было Хуфорса, моя поездка в Швецию, возможно бы, и не состоялась. Так по крайней мере предполагалось вначале. Дело в том, что в Хуфорсе, городке, еще меньшем, чем Авеста, на дне высохшего озера расположен завод фирмы «СКФ» — крупнейшее предприятие по производству подшипниковой стали. А Швеция, как известно, зарекомендовала себя на международном рынке главным поставщиком подшипников. Ее репутация в этой области безупречна. Наша страна — тоже давнишний потребитель шведских подшипников. Переговоры об их закупке велись еще при жизни В. И. Ленина, фирма «СКФ» дважды упоминается в ленинских документах 1921 года. И вот на заводе с великолепно отработанной технологией для получения полой заготовки, короче говоря, очень толстой трубы, — из нее нарезают кольца подшипников, — должна была вступить в строй советская печь электрошлакового переплава. Печь, способная придать металлу особую чистоту и однородность структуры.

Как тут не вспомнить, что первая сделка, заключенная с Советской Россией в 1918 году, касалась закупки двух тысяч тонн пеньки и льна. От пеньки до самых современных агрегатов! Вот какой взлет совершил советский экспорт! Уместно тут вспомнить и о целенаправленной активности «Энергомашэкспорта» — еще очень молодой по своему возрасту коммерческой организации, которой тем не менее удалось опередить солидные старые фирмы Австрии, ФРГ и Англии.

В Хуфорс мы отправились с руководителем металлургического отдела фирмы «Юнсон» доктором Пером Арне Сандмарком — он за рулем «Вольво» — и репортерами советского корпункта радио и телевидения.

За стеклом пейзаж, очень напоминающий Карелию, — леса с тоненькими, как спички, березками, валуны, скальные холмы, быстрые, с темной водой реки, темно-красные, покрытые окисью меди — очень долговечной краской — коттеджи...

А в Хуфорсе тепло! И стар и млад катят на велосипедах...

В заводской проходной не человек — автомат, управляемый с центрального пункта, поднимает перед нами шлагбаум. И вот мы у совершенно нового, терракотового, с голубым карнизом поверху, корпуса. Красавец цех, ничего не скажешь! Тем более приятно, что он построен специально для нашей советской печи. А вот и она сама, в общем-то вовсе не похожая на печь. Башня из металлоконструкций высотой в пять этажей, с цилиндрическим зеленым корпусом кристаллизатора и такой же зеленой платформой для электродов, обвитая светло-желтыми трапами и площадками. Двадцать дней ее везли из Новосибирска, сначала по железной дороге, затем по морям. Девяносто дней под руководством пятнадцати советских инженеров и техников длился ее монтаж. Долго велись переговоры «Энергомашэкспорта» и Института имени Патона с фирмами о создании печи и подписании контракта. И в очень сжатые сроки по шведскому заказу печь была спроектирована.

Первый пробный, не полый, а пока цельный слиток был получен первого декабря прошлого года. Это была проверка взаимодействия узлов и агрегатов. Сотрудники Института имени Патона и конструкторы Новосибирского завода электротермического оборудования, где была построена печь, ждали от нее другого — полого слитка. Еще никто за пределами нашей страны в Европе не получал подобных заготовок таким способом. Конечно, такой заказ представлял колоссальную техническую сложность. Дело было ведь не только в том, чтоб просто получить короткую толстую трубу, — речь шла о заготовках сорока шести типов и размеров, причем из стали такой чистоты, какой не знала еще практика.

Да, были сложности. Но...

Расчеты творцов новой печи покоились на теориях и исследованиях процесса электрошлакового переплава, осуществленных под руководством академика Бориса Евгеньевича Патона. Технология производства была разработана таким авторитетом в этих вопросах, как профессор Борис Израилевич Медовар, и его соратниками и учениками. Построил печь и разработал ее конструкцию вместе с Институтом Патона первоклассный завод электротермического оборудования, каким является Новосибирский. Контора № 2 «Энергомашэкспорта» сумела привлечь к участию в создании этой печи и другие высококвалифицированные советские учреждения...

Подлинным праздником для советских специалистов стал день 16 декабря. В этот день был получен самый большой, как и предусматривалось контрактом, слиток весом в 16 тонн, — этакая толстостенная бочка без дна из самой высококачественной в мире стали. Она и сейчас стоит возле корпуса. От бочки взяли образцы и послали на анализ в Гетеборг и в Киев. Результаты исследований обрадовали: очень низкое содержание кислорода и серы, такое, как и требуется.

А потом в Хуфорс прибыл Медовар. Началась тщательнейшая отработка технологических режимов. Обучение рабочих фирмы «СКФ». Передача администрации и специалистам опыта эксплуатации всего цеха.

Мы приехали в Хуфорс, когда готовилось подписание протокола о приеме печи «ЭШП-16ВГ» и всего оборудования нового цеха. (Торжественное официальное его открытие состоялось двумя месяцами позже в присутствии посла Советского Союза в Швеции М. Д. Яковлева). Тут, кроме печи, различные машины, краны, стенды, полностью и комплексно поставленные Советским Союзом. Кандидат технических наук Олег Петрович Бондаренко показал пультовую, отделенную прозрачной стеной от цеха, шкафы, насыщенные электронной аппаратурой и приборами. Тут мозг — программное управление печью.

— Познакомьте меня с кем-либо из шведских рабочих.

— С удовольствием! — Бондаренко проходит в бытовой отсек. Душевая, раздевалки, уютный кафетерий, наполненный ароматом только что сваренного кофе. Тут белый шкаф, электрическая плита, столик, словом, совсем как дома.

За чашкой кофе мы и застали молодого темноволосого человека в ковбойке.

— Рональд Энгхольм! — отрекомендовал его Бондаренко. — Может работать на пульте и у печи.

— А чем занимается ваш отец, Рональд?

— Тоже работает тут, на заводе, в цехе термической обработки стали. Я и родился тут, в Хуфорсе.

Шведским рабочим понравились наши специалисты. Когда в феврале уезжал Н. Ф. Иванютенко, заместитель главного инженера Новосибирского завода, был устроен прощальный вечер.

— Я двадцать лет проработал в фирме. Есть тут оборудование из Западной Германии, английское, американское, австрийское... Много тут перебывало инженеров, — сказал, вставая и произнося тост, старый шведский рабочий Кнутсон, — но ни разу не было так, чтобы инженер, профессор и рабочий сидели за одним столом. Это впервые в моей жизни...

Пока репортеры радио и телевидения налаживали свою аппаратуру, Виталий Михайлович Баглай и Василий Иванович Ус провели меня в вагончик, что возле корпуса. Два оконца, два стола. Сколько раз они заседали здесь вместе с доктором Хансом Юнгом, директором нового цеха, обсуждая в рабочем порядке различные вопросы! По стенам чертежи и схемы. В углу каски и комбинезоны, в которых они проработали здесь столько месяцев, не задумываясь над тем, сколько в сутках часов. И брезентовые, милые сердцу робы сварщиков. Их прислали из Киева — считалось, что эти робы везучие, приносят удачу...

К микрофону радиокомментатора подошел генеральный директор завода г-н О. Тестад. Он говорил о том, как нужна эта печь. Особое удовлетворение он выразил по поводу работы наших инженеров: «Мы самого высокого мнения о них. Не только как о специалистах, но и как просто о хороших людях. Сотрудничество между нашими странами будет расширяться. В этом отношении речь Л. И. Брежнева на съезде для нас, промышленников, представляет большой интерес».

О том же говорил и доктор Пер Арне Сандмарк: «Мы очень довольны сотрудничеством, которое установилось с советскими торговыми организациями и техническими специалистами. Сейчас идут переговоры о дальнейшей закупке подобных печей и о поставке комплексного оборудования для стройки в Сибири».

* * *

Снова Стокгольм. Лучезарное утро. Высокое чистое небо. В заливе гордо проплывают белоснежные лебеди и кувыркаются ошалевшие от солнца утки. Солнечные блики играют на витражах Королевской оперы. В репертуаре этого театра балет «Онегин». В витрине здания на площади — хоровод хохломских матрешек. Тут агентство Аэрофлота.

Я сворачиваю на неширокую пешеходную улицу. Почтальоны развозят на тележках и велосипедах почту. Лавочницы открывают лотки. Первые покупатели заходят в ПУБ. В этом громадном универмаге когда-то, много-много лет назад, Владимир Ильич Ленин покупал себе пальто, и администрация не преминет напомнить об этом.

Сегодня у меня последний день на шведской земле. Последние встречи. На этот раз в Лидингё, где находится торгпредство СССР. Ну что же, можно подвести итоги.

На примере только двух заводов — в Хуфорсе и Авесте, только одной отрасли народного хозяйства — электрометаллургии видно, какими путями развиваются торговля и научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Швеции. Способствуют этому Программа развития долгосрочного экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества, рассчитанная на десять лет, недавно подписанное в Москве новое пятилетнее торговое соглашение. Большую работу ведет межправительственная советско-шведская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. 180 крупнейших шведских предприятий объединены Комитетом содействия торговле с СССР.

Круг взаимовыгодных интересов непрерывно расширяется. Швеция, например, поставит оборудование для Усть-Илимского целлюлозно-бумажного комплекса, о чем я уже слышала много раз; обеспечит создание автоматических систем управления воздушным движением в Москве, Киеве и Минеральных Водах; предоставит комплекты технологического оборудования трех заводов по производству комфортабельных сборных домов для Нечерноземья и молочной фермы на две тысячи голов скота в Подмосковье; приступила к строительству гостиницы «Интурист» в Ленинграде. Успешно реализуется соглашение по кооперации в производстве металлообрабатывающих станков с программным управлением и их сбыте в Швеции. Изучаются возможности поставки очень крупного, масштабного оборудования для шведских металлургических комбинатов. Уступая место Советскому Союзу, пришлось потесниться многим торговым партнерам Швеции...

Во время своего недавнего визита в нашу страну премьер-министр Швеции У. Пальме сказал:

— Наше близкое соседство и дополняющие друг друга черты в экономике наших стран должны способствовать торговле и сотрудничеству... Наши добрососедские отношения будут и далее улучшаться... Я убежден в большом значении экономических и научно-технических связей в деле укрепления разрядки напряженности и дальнейшего мирного развития в Европе и во всем мире.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

Портрет работы Ивана Пензова

Ю. Кугач. Род. 1917. ГРОЗА ПРИБЛИЖАЕТСЯ. 1975.

XII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

РОДИМАЯ СТОРОНУШКА

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Вот и произошло все так в его, Пряслова, жизни, так все и произошло... И, медленно счищая о скобу, прибитую у порога дома, весеннюю деревенскую глину, он как бы перекинул в обратном порядке все, что было и чего пришлось хлебнуть танкисту на дорогах войны, потом в госпитале, и снова на дорогах войны, и опять в госпитале, пока врачи не сказали ему, что отвоевался он, Трофим Ильич Пряслов, до победы теперь недалеко, а он все-таки постарался для нее.

В Ольховатке была весна, та робкая, несмелая весна, когда серые почки на кустах походят по своей незаметности на воробьев, казалось бы, ненужных, но никакой жизни и никакой радости не было бы в весеннем широком мире без их животворного треска.

Жизнь прожить — не поле перейти, и все же прожил он жизнь так, что оглянуться не стыдно и есть на что оглянуться. Сначала Харьков, потом Полтава, всюду он поработал на своем КВ, а под Желтыми Водами его самого подбили, и в госпитале, куда отправили его вместе с полуобгоревшим стрелком Мишей Буслаевым,— Буслаев, едва шевеля губами в той узенькой щели, какая осталась от всего его перебинтованного лица, сказал, вернее, прошептал:

— Жене моей передай, пусть не дюже плачет обо мне... она молодая, еще устроится в жизни, и моя воля, чтобы она устроилась в память обо мне.

Может, и не совсем так прошептал тогда Буслаев, но по смыслу это было так.

После госпиталя Пряслов вернулся на побывку в родную деревню, мать была еще жива и ждала его, но он, посидев немного возле матери, пошел к Нюре Буслаевой, как и обещал Михаилу напоследок... Нюре было тогда двадцать лет всего, самая молодая юность и самая юная молодость во всей их силе и красоте. И он сел на скамейку, Трофим Пряслов, а Нюра села на другой ее край, он ничего не сказал сначала, дал ей выплакаться, и она плакала и дрожала, как в ознобе, от сердечной тоски и одиночества. А потом он рассказал ей, как подбили под Желтыми Водами их танк и как его с Михаилом отправили в госпиталь, а двое других из их экипажа погибли... И он передал еще волю Михаила, чтобы устроила она, Нюра, свою жизнь, в память о нем устроила, и это самое главное, о чем он думал напоследок.

— Как же вы понимаете обо мне, Трофим Ильич, взяла и выкинула из сердца, как репейник? — сказала тогда Нюра с такой неожиданной для ее кротости твердостью.— Как же вы думаете, могу я Мишу забыть?

Но она не заплакала снова, а сидела как бы вся напрягшаяся в живой своей силе, и Пряслов ответил:

— Как тебе сердце скажет, так и поступай... оно у тебя в руке, твое сердце.

Пожив в родной деревне тогда, вернулся он, Пряслов, на фабрику учебно-наглядных пособий, на которой работал до войны, стал снова изготовлять для школ наглядные пособия вроде глобусов или муляжей плодов, вспоминал при этом, как от школ, увиденных на дорогах войны, оставалось одно пепелище, одно горькое пожарище, а детей эвакуировали куда-то в дальние края — на Волгу или в Среднюю Азию,— в большинстве безотцовых, а то и совсем круглых сирот, с той первой раной на сердце, от которой до самого последнего часа жизни не зарастет след.

Нюра не поступила, однако, так, как завещал Михаил, не нашла никого взамен, а из детского дома взяла на воспитание девочку, стала та, Машенька Безвестова, родной ее дочерью, и ни одной, ни другой нельзя было думать об этом иначе... А фамилию Маше дали в детском доме по ее судьбе — ни об отце, ни о матери никаких известий не было и, должно быть, и не будет никогда.

«Сколько же лет теперь Нюре?» — подумал Пряслов, все еще соскребая о скобу глину, которой на подошвах его башмаков уже не было, а прибавить к двадцати годам набежавшее время было нетрудно, и уже за пятьдесят стало этой некогда в расцвете своей молодости Нюре, только один год прожила она с Михаилом, и если не нашла никого другого взамен, то всего один год в своей жизни была счастлива.

Он поднялся по ступенькам крыльца, а на двери было старинное железное кольцо, которым нужно постучать, чтобы услышали в доме. И он, прежде чем войти, постучал кольцом в дверь, потом вошел в сенцы, а в большой, светлой комнате стояла женщина, которую в последний раз видел он восемнадцать лет назад, когда приехал хоронить свою мать.

— Вам кого? — спросила она и сразу же узнала его.— Трофим Ильич! Да не может быть... что же так — и не предупредили вовсе?

Она с каким-то молодым порывом кинулась к нему, положила голову ему на грудь, и они постояли так, а она слышала, должно быть, как бьется его тяжелое сердце.

— Взял и приехал,— сказал он.— Я сейчас в отпуску, по-своему провожу его, так что денька два поживу у тебя, а о чем поговорить, у нас с тобой найдется.

— Так я рада вам, Трофим Ильич,— сказала Нюра,— я вас своим родным считаю, ведь все вам вместе с Мишей довелось пережить. Годы, конечно, идут, их не остановишь, а что было, то было, этого им не унести.

— И я над твоей жизнью тоже задумывался не раз,— сказал он.— Людей на войне полегло — и не сосчитаешь... но она еще в глубину прорубила, как лесную просеку. Конечно, уже давно поднялась молодая поросль, но ты сама сказала мне как-то: из сердца, что в нем есть, как репейник или будягу, не выполешь, и мне твое сердце особенно дорого этим.

Потом они развили весь свиток своей жизни, что́ и как у каждого. Жену он, Пряслов, потерял семь лет назад, живет один, а детей у них не было. Вертят школьники изготовляемые им глобусы, и вся земля со всеми людьми под руками у них, всем они владеют в молодой своей уверенности, и слава богу, что так, ради этой уверенности в твердом порядке жизни и воевал он в свою пору, и Михаил Буслаев ради нее свою жизнь отдал. А Нюра рассказала, что кончила сначала счетоводные, потом бухгалтерские курсы, работает сейчас бухгалтером в их колхозе, а у Маши Безвестовой, должно быть, скоро другая фамилия будет, училась в сельскохозяйственном техникуме вместе с Сергеем Егурновым, теперь она агроном, а он зоотехником в Воскресенске работает, но станет работать, видимо, в их Ольховатке.

— Такую радость доставили мне, что приехали, Трофим Ильич... ведь в самую горькую минуту вы рядом были, это на всю жизнь зарубка, вы это сами сознаете.

Она сидела на другом конце скамьи, красивая новой, хотя и отцветшей красотой, годы унесли то, что было в ней когда-то, но пришло и новое, не уступающее в своей силе, если ищешь не только беспечной оживленности в человеке, но и умудренности от узнанного им, а война не только печали и слезам научила, но и силе души научила и вере в то, что придет оно все-таки — счастье, хоть и не такое, какого ждешь, но придет...

— Я ведь никогда не забываю, Трофим Ильич, что это вы посоветовали в свое время, если не найду никого взамен, взять сиротку на воспитание, и такая это милость, что послушала вас. А для Маши я мать, и сейчас такая тревога за ее судьбу: как-то сложится еще в ее жизни? Я этого Сергея Егурнова и в глаза не видела, приходится Маше на слово верить, что не обидит ее никогда. Вы, Трофим Ильич, поговорили бы с ней... она хоть и не помнит вас, в первый раз совсем маленькой видела, но знает: живет где-то ее дедушка.

— А я дедушка и есть, да и бобыль к тому же.

— Трофим Ильич, я давно хотела об одном деле написать вам,— сказала Нюра несмело.— Переезжайте жить к нам... я вам большую комнату отдам, вам хорошо в ней будет. А Маше колхоз квартиру в новом доме обещал, в нем квартиры и для учителей и для

агронома предусмотрены. И так хорошо было бы нам с вами, наверно, и не ухожены совсем, я об этом часто думаю.

— Поработаю еще,— сказал он,— у меня работа не такая тяжелая. А твою крышу я и своей считаю, ты в этом не сомневайся. Далекая сторонушка иногда роднее родной оказывается, так что хоть и прошли годы и война словно в другой жизни была, забывать нам ее нельзя.

— Она у меня все отняла,— сказала Нюра.
— И на мне отметину оставила.

На его щеке, хоть и заросло бородой, осталось красноватое блюдечко от ожога, и для пострадавших глаз понадобились до времени очки.

— Вы, Трофим Ильич, умойтесь пока с дороги, а я на полчасика в правление сбегаю, отпрошусь на два дня, мне отгул полагается.

Нюра заправила под платок свои русые, хоть с висков уже посеревшие волосы, накинула кожушок, была еще ладная, и Пряслов посмотрел на нее и покачал головой.

— А хороша ты, Нюра, была... и до сих пор хороша.

— Старуха уже,— отозвалась она, однако молодо блеснув своими карими глазами.

Он остался один, в доме было чисто и прибрано, на стене висела фотография Михаила Буслаева, в пилотке, с чубчиком из-под нее, должно быть, еще не приказали сострижь, такой молодой, только что призванный в армию, наверно, и Пряслов сквозь загустевший туман времени вспомнил едва шевелящиеся губы в прорези повязки вокруг головы, огромного белого шара, в котором дотлевала жизнь смертельно обожженного стрелка Михаила Буслаева... А на другой фотографии, видимо, совсем недавней, снята была красивая, горделивая девушка: это и была Маша Безвестова, которую видел он в последний раз еще маленькой, и уже восемнадцать лет прошло с тех пор.

— Вот так-то, Миша,— сказал он тому, кто с чубчиком из-под пилотки смотрел на него молодыми, спокойными глазами.— Все ушло, но если призадуматься, то не все ушло... остался ты весь со своими мыслями, а Нюра другое нашла утешение в жизни, чем ты хотел, и, может быть, больше права, для каждого это по-своему.

Потом он прошел в сенцы, возле рукомойника лежали чистое полотенце и нераспечатанное мыло, которые приготовила для него Нюра, и он разделся, умылся по пояс, постоял у окна, вытирая предплечья и грудь, а за окном серовато теплилась ранняя, тихая весна, поближе к забору еще лежал снег, но вся ширь жизни, весь ее близкий расцвет были уже рядом, и еще денек-другой — и хлынет с силой...

А затем пришла та, фотография которой висела рядом с Михаилом, считавшимся ее родным отцом, погибшим на войне,— пришла Маша Безвестова, сказала, чуть запыхавшись:

— Мать сказала, что вы приехали, и я бегом...

— Ну, как? — спросил он и поцеловал в свежую щеку.— Старый у тебя дед или еще ничего?

— Еще ничего,— ответила она, поглядев на него, а след ожога на щеке скрывала уже поседевшая с боков борода,— совсем еще ничего.

— Ну, то-то... вам только волю дай, сразу же в старики определите. А ты, может быть, по глобусу, который я изготовил, землю нашу изучала. Узнала на глобусе мой почерк?

— А как же, сразу узнала,— сказала Маша, и она была довольна, видимо, что дедушка еще ничего, даже совсем ничего.

— А ну-ка сядь.— И она села чуть в отдалении на лавку.— Говорят, царствуешь, агрономша уже?

— Да, работаю понемногу. У нас в Ольховатке земли не очень-то хорошие, на языке агрономии — деградирующий чернозем. Над ними поработать нужно.

Она никогда не знала того, кто считался ее родным отцом, и, наверно, не смогла бы представить себе, что теперь отец был бы в возрасте Трофима Ильича, он оставался для нее навсегда молодым, каким был снят на фотографии, а Трофим Ильич со своей поседевшей бородой был дедушкой, отцом ее отца, как объяснила мать когда-то, и Пряслов на минутку задумался.

— Да, вот так, Маша... и агрономша уже и замуж, наверно, скоро выйдешь, только поспевай за тобой.

— Вы тогда приезжайте, дедушка,— сказала она, сразу вдруг посерьезнев.— Мы с мамой напишем вам.

— Приеду,— пообещал он, хотел было добавить, что мать зовет навсегда переехать к ним жить, и, может быть, когда уже подводишь под свои годы линеечку, и следовало бы так, а соединила их война, хотя ее жесткое правило — разлучать, но есть нечто посильнее ее правил.

— Приеду,— повторил он.— Мне твое счастье дорого, я за него, знаешь, сколько заплатил? Я за ним в соленом поту полземли обошел, чуть поменьше половины глобуса обошел — и тонул, и горел, и в землю зарывался, и по воздуху летел, и в райском раю побывал, и в геенне огненной побывал, дед твой — ходовой солдат.

— Мы перед вами навеки в долгу,— сказала она.

Он чуть удивленно посмотрел на нее:

— Это как же понимать?

Она ничего не ответила, и Пряслов усомнился вдруг: не знает ли она всей правды?

— Ты с твоим будущим мужем познакомь меня, прежде чем распишетесь. Ладно? Я бывший танкист, в местности хорошо разбираюсь.

Нюра отпросилась на два дня, и вот сидят они втроем за обеденным столом, и хоть дедушка еще ничего, еще совсем ничего, мать смотрит с болью на него: остался он один, Трофим Ильич, живет неухоженный, и так хорошо было бы, если бы переехал жить к ним, а чего лучше — своя семья, и свой дом, и внучка с мужем, там, смотришь, и с детьми, а правнуки — это тоже хорошо.

— Подумаю,— сказал Пряслов, словно услышав, о чем она не сказала,— для рабочего человека без работы не жизнь, так что обожду еще чуток. А на вашу выручку в бою надеюсь.

Он говорил чуть с усмешкой, но крыша над домом, в котором он сидел сейчас, была прочная, и это тоже нужно было завоевать, чтобы такой дом был для каждого.

— Нам, Трофим Ильич, ваша жизнь очень дорога,— сказала Нюра.— Маше, конечно, мало повидать вас пришлось, но я насчет вас ей всегда говорила, так что как бы и росла при вас.

— При мне и росла,— подтвердил Пряслов.

Однако и он размягчился: так хорошо было задумано им, в каком порядке провести свой отпуск, провести памятно, не то поехал бы по путевке в какой-нибудь дом отдыха, слонялся бы без дела, смотрел бы телевизор да в мертвый час лежал бы животом кверху на постели.

А позднее, когда Маша ушла и он остался с Нюрой вдвоем, рассказал ей, как задумал провести свой отпуск. Задумал побывать в тех местах, где воевал когда-то, побывал и в Мерефе возле Харькова, и в Решетиловке неподалеку от Полтавы, и в Желтых Водах, где подбили их танк, и в Чигирине, а от него и до Румынии уже недалеко, побывал и на том кладбище, где похоронили Михаила Буслаева. В свое время поставили деревянную пирамидку на его могиле, но уже давно ровным рядом с одинаковыми надгробиями лежат на военном кладбище те, кто вместе с ним шел по дорогам войны, несся на тяжелом танке, или бил из орудия, или в рядах пехоты месил густую осеннюю глину...

— Была у меня думка позвать тебя со мной съездить, но, может, как-нибудь без меня соберешься или с Машей съездишь, я точную координату дам. И вот еще что, Нюра: никогда Маше своей жизни не объясняй... был отец герой и погиб героем, а может быть, и ее родной отец тоже героем погиб, соединим их вместе.

— Я и не думаю,— сказала Нюра поспешно.— А что фамилии у нас разные, я давно объяснила ей, что мы с отцом тогда еще не расписанные были, и ей мою девичью фамилию дали. Теперь у нее скоро по мужу фамилия будет, а Егурнов — хороший зоотехник, говорят.

— Значит, Марией Михайловной Егурновой станет? — сказал Пряслов задумчиво.— Кем же он приходиться мне будет, если Маша моей внучкой считается? Внуком, что ли?

Интересно все-таки, как движется и распространяется жизнь, не оборвалась навечно для Михаила Буслаева в своем ходе, и внуки, может быть, будут у него, хоть и не увидит он их: но суть не в этом, суть в том, что жизнь посильнее войны с ее злом.

— Трофим Ильич, а может, выберетесь еще в те места, где воевали... дайте тогда заранее знать, мы с Машей подгадаем наши отпуска, и такое утешение было бы это для меня.

— Может, и съездим,— сказал Пряслов,— может, втроем и съездим... и правильнее всего было бы съездить нам втроем.

Нюра подсела вдруг ближе к нему, положила голову ему на грудь, в которой билось его тяжелое сердце, а он погладил ее волосы, как погладил тогда, когда пришел с войны, передал последнюю волю Михаила Буслаева, призывавшего жить и без него.

— Ты чего? — спросил он вдруг.— Чего ты плачешь?

— Хорошо, что вы рядом, оттого и плачу,— ответила она.— Слезы разные бывают, Трофим Ильич.

И он согласился, что слезы бывают разные, а того, как стер и свою слезинку, Нюра не заметила.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. П. ХМЕЛЕВА

ОДЕРЖИМОСТЬ

«Адовая» — так по традиции называли во МХАТе первую генеральную репетицию, но никто не мог предположить, насколько действительно страшной будет она 1 ноября 1945 года. В тот день А. Д. Попов выпускал премьеру «Трудные годы» по пьесе А. Н. Толстого; Ивана Грозного играл Николай Павлович Хмелев.

С первого же мгновения сценической жизни образа он взял роль столь круто и мощно, в такой трагической борьбе противоречий, сжигавших недюжинную натуру русского царя, что уже не казались удивительными любые отзывы о силе хмелевского таланта. Как раз незадолго до того к М. О. Кнебель, режиссеру спектакля, подошел актер, весь дрожащий, «жалуясь» на Грозного — Хмелева: «...я чуть не потерял сознание, когда он впился в меня глазами». Да и сам постановщик спектакля признавался, что никто, кроме Шаляпина, не действовал на него так, как Хмелев; во время первой картины Попов не удержался, воскликнул на той генеральной репетиции: «Это какое-то самосжигание!»

В середине третьей картины «адовая» репетиция прекратилась. Вечером, когда шел очередной спектакль, Хмелева не стало. Он умер в комнатке рядом со сценой.

Когда оборвалась эта краткая и яркая жизнь, стал особенно очевиден испепеляющий характер всего страстного творчества артиста. В начале его был символический образ освещавшего людям путь Огня из сказки «Синяя птица», а в конце — роль, исполнение которой, как предсказывал В. И. Немирович-Данченко, могло стать историческим. Но и многие из тридцати ролей, сыгранных Николаем Павловичем на мхатовской сцене, вошли в историю советского театра как шедевры современного актерского искусства, составив страницу в духовной жизни русского народа.

Формируясь под непосредственным воздействием К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Хмелев достойно представлял их школу во втором поколении мхатовцев. Характернейшей чертой его оригинального таланта было стремление к созданию образов, предельно непохожих и по внутренней теме, психологическому строю и по пластическому рисунку, интонационной палитре, и это при неизменной гармонии содержания и формы роли чисто хмелевской внутренней грации.

Еще во время труднейшего конкурса юный Хмелев, поступавший во Вторую студию МХАТа, поразил К. С. Станиславского свежим и увлеченным исполнением «стариковского» репертуара. Позже актер, мечтавший о Ромео, о Гамлете, создал на театре великолепную галерею: Марей из «Пугачевщины» К. Тренева, одержимый народной правдой и верой, истово идущий на смерть за «мир»; лукавый и мудрый Силан из «Горячего сердца» А. Островского, сыгранный Хмелевым легко, виртуозно, порепински живописно, с тончайшим проникновением в природу народного юмора; князь К. из «Дядюшкина сна» Ф. Достоевского — трагикомическая кукла, человеческая развалина, отобразившая тему духовного вымирания целого класса...

Понимая искусство как жаркий идейный бой, не мысля художественной правды вне социальной борьбы, вне судеб народа и правды эпохи, Хмелев поражал художественным максимализмом, сценическими открытиями и там, где до него все казалось ясным. Своего Каренина он обвинял суровее Толстого, в бездушной «злой машине» он воплотил и жестокость царской бюрократии и гнилую фальшь «законного» буржуазного брака. В Каренине идейная суть образа раскрывалась во всем: в деревянноскрипучем голосе и чеканной дикции чиновника, привыкшего повелевать, диктовать указы; «тупой» походке, мутно-застылых глазах... Ни тени благостного умиления не было в царе Федоре Иоанновиче, оторванном от реальной жизни и народа, а потому трагически бессильном с его философией абстрактного добра... Мужеством ума и души прекрасен был Тузенбах — быть может, самый твердый в своих убеждениях чеховский герой, жаждавший деятельности и коренного изменения жизни, поэтически обаятельный в своей громадной и мудрой безответной любви...

На пути к масштабным героическим ролям Хмелев успел создать образ, который стал принципиальной вехой в становлении молодого советского театра. Это Пеклеванов из «Бронепоезда 14-69», посвященного десятилетию Октября. Хмелев решительно отказался от бытовавшего еще тогда в литературе и театре прямолинейного, «железобетонного» героя, отыскивая черты подлинного коммунистического гуманизма.

— Я хочу немножко походить на Ленина, на молодого...— делился он раздумьями с автором пьесы Вс. Ивановым.— Все большевики немножко похожи на Ленина...

Он искал внутреннего сходства. Искал стержневую идею нового человека, порожденного величайшей из революций. Его Пеклеванов был прост и обыден — мешковат, близорук, даже несколько чудаковат. Но простота и обыденность только подчеркивали сущность коммуниста, подпольщика, вожака масс. В тихом голосе звучала абсолютная уверенность в победе. Добрые глаза светились мягким вниманием к людям и вдохновенной правдой. Во всем облике, в поразительной сдержанности чувствовалась могучая, пламенная сила. Потрясенный Горький заявил после просмотра спектакля: «Россию можно поздравить с появлением еще одного великого артиста».

...Актер, педагог, режиссер, художественный руководитель МХАТа в трудные военные годы, общественный деятель, Хмелев многого не успел сделать: лишь в замыслах остались Астров и Федя Протасов, Егор Булычов и король Лир... Но он успел короткой и прекрасной жизнью в искусстве воплотить главное творческое кредо, завещанное следующим поколениям:

— В театр нужно идти, как на подвиг.

Н. КИДИНА

Азбука водителя...

Песня.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

См. 2-ю обл.

механизаторов. Вот, например, братья Гуськовы из совхоза «Ряжский» — Александр, Виктор и Анатолий. Отличные механизаторы. А Виктор избирался делегатом XVII съезда ВЛКСМ. Он не гляди что молод, уже награжден за выдающиеся успехи орденами Ленина и «Знак Почета».

У тех, кто учится в училище пока только первый год, еще все впереди. Но уже сейчас после урока вождения колесного трактора ребята с гордостью говорят односельчанам: «Мы паха-

Пока борозда получается не очень прямой.

ли!» Первая борозда... Это большой праздник для юноши, которому наследовать самую древнюю и почетную из профессий на земле — профессию хлебороба. Конечно, первая борозда не всегда получается прямой. Мастерство сразу не дается. Для того, чтобы стать таким специалистом, как Виктор Гуськов, как его братья, надо пройти полный курс наук в сельском ГПТУ, перенять опыт и знания у наставников Василия Семеновича Оводова, Василия Степановича Якушева.

Известно, на селе с каждым годом все больше машин, способных полностью заменить ручной труд и в поле и на ферме. Ребята стараются познать новую технику, а для учения возможности богатые: тематические кабинеты, испытательные стенды, полигоны, парк современных тракторов и комбайнов. Но главное пособие — просторная русская земля. Главная оценка — новые всходы!

Ряжск,
Рязанской области.

За рулем Наташа Акулич.

МОЯ ЖИЗ

Сооронбай ДЖУСУЕВ

●

Нет праздничной окраски у войны —
Ее глаза огнем опалены,
Ее поля свинцом напоены,
От крови реки все ее красны.

Кто без вести пропал,
А кто убит,
О них доныне край родной скорбит,
В могилах братских столько их лежит,
Но поднялась их слава на гранит.

Я тоже был
Там, где огонь пылал,
Лежал в снегу, в болоте утопал,
И попадал в меня чужой металл
Не раз, не два, а в сердце не попал.

Иначе б в поле мертвым мне лежать,
Заставив слезы лить доныне мать.
В живых оставшись, не могу сказать,
Что лучше их умел я воевать.

Задумаюсь над прожитым порой,—
В войну, назад отхлынет боль с тоской,
И эта жизнь вдруг кажется второй,
Подаренной за что-то мне судьбой.

О сверстники, погибшие в бою,
Я с вами до сих пор в одном строю,
Хочу вам посвятить
Всю жизнь свою —
О подвиге и жизни я пою.

БЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Дождь идет — в брызгах каждая пядь,
Всюду лужи сверкают разбитыми
стеклами,
И пылает душа,
И себя не сдержать —
Так и хочется мчаться мне вдаль
за потоками.
Дождь накрыл все долины, как сеть,
Мокнут желтые листья под струями
пенными.
Как хочу всю широкую степь
Песней звонкой залить и озвучить
напевами.

Дождь идет, словно косит коса,
Тает камень, как мыло, и радуга —
ярусом.
И хочу я сгореть до конца,
Став огнем,
Все сжигающим в пламени яростном.

В АЭРОПОРТУ «МАНАС»

Величественна степь моя,
Широк степной простор,
Как сердце земляков моих,
Как сердце древних гор.
Ты посмотри, как желт песок,
Что вихрь степной намел,
Как будто золото, он чист,
Как золото, тяжел.

Когда-то в древности седой
Враг приходил сюда.
На саблях запекалась кровь,
Лилась кровь, как вода.
Быть может, сам Манас вот здесь
По огненной земле,
Сражая полчища врагов,
Летел на Аккуле.

Быть может, здесь, в степи сухой,
Спасаясь от невзгод,
Ища дорогу к счастью, брел
Могучий мой народ.
Он шел по желтому песку,
Он шел и слезы лил
И, в горе впав и впав в тоску,
Его не находил.

Но счастье светлое пришло,
Отдав всю боль векам.
Везет теперь меня в Москву
Крылатый великан.
Взгляни на лайнер —
Он летит
Простором голубым.
И сокол — бабочка всего
В сравненье с ним, стальным.
Летит по небу, словно луч,
Перегоняя гром.
Кочует весело народ
Семи аулов в нем.

Вот приземлился самолет,
Гудит аэродром,
И улыбается народ
Семи аулов в нем.
Улыбки добрые друзей
Встречают «москвичей».
И нет улыбок их светлей,
И нет их горячей.

Я приглашаю вас, друзья,
Садитесь в самолет,
Земля Манаса и моя
Всегда вас в гости ждет.

СТИХИ МОИ, СТИХИ

Стихи мои, стихи...
Я вас собрал из гула горных рек,
Настроенных, как комуза струна.
У рек, с вершин неукротимый бег
Начавших вдаль, туда, за горизонт,
С вершин крутых, где встыл в каменья
снег.
Я из цветов джайлоо вас собрал
И запахом их влажным напитал.

Стихи мои, стихи...
Я вас собрал из солнечных лучей,
Из солнца, восходящего вдали.
На дастарханах, щедростью своей
Прославленных и полных разных яств,
Обильем восхищающих гостей;
Из чаши молодого кумыса,
Что подавала девушка-краса.

Стихи мои, стихи...
Я вас собрал и в сердце уберег
В окопе том, что порохом пропах,
Среди размытых ливнями дорог,
На улицах сожженных городов,
Где сердце мне огонь войны ожег;
Из ярости идущих сквозь пургу
Моих друзей, несущих смерть врагу.

Стихи мои, стихи...
Я собирал вас в грохоте войны,
В кровавой битве, ночь смешавшей
с днем,
В глазах у матерей моей страны,
Чьи сыновья обратно не придут,
У скорбной обелисков тишины.
Я взял их из рассказов тех коллег,
Чьей памяти быть на войне навек.

Стихи мои, стихи...
Я взял вас у вершин, у белых гор,
У снега Ала-Тоо, у садов,
У звездной выси, яркой, как ковер.
Она открылась мне в тот звездный час,
когда
Гагарин взмыл в космический простор.
Я взял вас у кремлевских вечных звезд
И через жизнь в душе своей пронес.

Во всем свою отыскивая суть,
Ища звучанья для своих стихов,
Сам для себя я трудный выбрал путь,
Но все же не отрекся от него,
Хотя мне трудно было, не вздохнуть!
Доволен тем, что всюду я искал,
Что ваш напев мою озвучил грудь,
Стихи мои, вы стали, свет храня,
И радостью и мукой для меня.

СЕРДЦАМИ СВОИМИ

Лишь стала сверкать наша радость,
как будто весна,
Лишь молодость наша цветением стала
полна,
На западе вспыхнул пожар, на западе
кровь пролилась,
И к нам перекинулась
Через границы война.
На фронте, где молнии взрывов сверкали
кругом,
Не знали покоя все годы ни ночью,
ни днем.
В ту пору, когда в нас жизнь молодая
цвела,
Не сникли, не пали, а выжили мы под
огнем.
Вернулись с победой, вернулись седыми
с войны,
Впервые мы сняли солдатские наши ремни

НЬ

И запах вдохнули родной, долгожданной земли,
Но старые раны болели все ночи и дни.
Да, молодость наша горела в огне на ветру,
Вручил я судьбу не винтовке теперь, а перу.
Ты долг свой солдатский исполнить спеши до конца,
Прошли полземли мы и в стужу с тобой и в жару.
Мир, нами спасенный в жестоких боях, на войне,
Тебе по душе он,
Как по сердцу тоже он мне.
Исполнив свой долг пред народом своим и землей,
Сердцами своими мы песни слагаем стране.
И мир на земле утвердив,
Утвердив навсегда тишину,
Делами и песней спешим мы восславить страну.
Пускай же у Родины будем последними мы
Из тех, кто когда-то последнюю видел войну!

ХЛЕБ

Здесь, в магазине хлебном, как ручьи,
Перед глазами
булки,
калачи,
Буханки,
сайки,
круглые лепешки
Текут, душисты,
сдобны,
горячи.
Как пахнет хлеб! Водою ключевой,
И летним полднем, и росой живой!
Стоит в халате белом продавщица,
заворожен ее я красотой.

Хлеб — нашей жизни и работы суть!
Мне гнев и стыд всегда сжимают грудь,
Когда порой на улице я вижу
Хлеб, брошенный на землю кем-нибудь.

Не в силах возмущенья я унять —
Священен хлеб! —
Готов я повторять.
Вот почему, видать, благоговейно
Спешу с земли я этот хлеб поднять.

Кто бросил хлеб на землю иль в арык,
Пусть юноша или седой старик —
Он все равно достоин осужденья,
Он черств душой, его поступок дик.

В концлагерях фашистских в дни войны,
Лишившись сил, от голода бледны,
О крошке хлеба узники мечтали:
«Всего ломоть — и будем спасены!»

Сто двадцать пять блокадных — весь паек,
Он Ленинград от смерти уберег,
Вот почему хранится он в музее
Как стойкости и мужества урок.

Сияет мирный день над всей страной,
В поля пойдешь —
Хлеба стоят стеной,
Как будто это море золотое —
Вот-вот и укачает тишиной.
А кто на землю свой бросает хлеб,
Тот навсегда душой и глух и слеп!

Перевел с киргизского
Владимир ЦЫБИН.

ВЕРНЫМ КУРСОМ

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза — одно из самых важных, поистине исторических событий нашего времени. Итоги съезда, доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, принятые съездом документы широко обсуждались и комментировались видными государственными и общественными деятелями различных стран, мировой прессой. Этим многочисленным откликам и посвящена вышедшая в издательстве «Международные отношения» брошюра «Международное значение XXV съезда КПСС».

Автор брошюры, известный советский журналист-международник Ю. Корнилов, отмечает во введении, что съезд состоялся в период, когда СССР, страны социалистического содружества вышли на новые, небывало высокие рубежи хозяйственных успехов, когда усилилось развитие необратимых революционных процессов нашей эпохи, а последовательное осуществление Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, привело к глубоким позитивным сдвигам на международной арене.

Сведенные в рамках единой брошюры высказывания государственных и политических деятелей различных стран, выдержки из комментариев мировой прессы свидетельствуют о том, что теория и практика научного коммунизма обогатились новыми положениями и выводами, без которых отныне невозможно представить идейно-политический арсенал коммунистов.

В разделе «С Советским Союзом — на вечные времена» автор приводит отклики, свидетельствующие об укреплении содружества социалистических государств. «Мир на земле стал прочнее, потому что возросло могущество Советского Союза, мирового социализма»,— писала в дни съезда чехословацкая «Руде право».

Раздел «В авангарде борьбы за мир» посвящен комментариям видных государственных деятелей и печати по поводу внешней политики Советского Союза. В этих откликах отмечается, что предложенные товарищем Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС инициативы обогащают советскую Программу мира и рождают новые импульсы в борьбе за самое высокое и гуманное дело — за прочный мир на земле.

Издательство «Международные отношения» сделало полезное дело, выпустив эту небольшую, но очень своевременную работу.

Ю. ПЕРОВ

Ю. Корнилов. «Международное значение XXV съезда КПСС». М., «Международные отношения», 1976.

«ОГОНЕК» НА «АТОММАШЕ»

«Атоммаш»... Предприятий, подобных этому, которое сооружается на берегу Цимлянского моря, нет нигде в мире — здесь реакторы для атомных электростанций будут делать на конвейере.

Бригады «огоньковцев» не раз бывали на БАМе, КамАЗе и на других крупных стройках, а теперь отправились на «Атоммаш». 27 июля в волгодонском Дворце культуры «Октябрь» творческая бригада журнала встретилась с атоммашевцами. Открыл встречу секретарь парткома Ю. А. Титов. Перед строителями выступили члены редколлегии «Огонька» Н. А. Иванова и Л. М. Леров, корреспонденты Б. Сопельняк и А. Награльян, ростовский писатель М. Андриасов, московский поэт А. Говоров, художник Ю. Титов, смоленский композитор Н. Писаренко.

Во встрече приняли участие секретарь Волгодонского горкома партии Р. И. Бедюх и знатный строитель, дважды Герой Социалистического Труда А. А. Улесов.

На следующий день состоялась еще одна встреча — на площадке, где сооружается главный корпус.

«Огонек» на «Атоммаше» — эта рубрика станет в журнале постоянной.

На снимке: в волгодонском Дворце культуры «Октябрь» на встрече с огоньковцами.

ИСПЫТАНИЕ НА ЗРЕЛОСТЬ

«Огонек» на БАМе

А. БАЛЬБУРОВ,
народный писатель Бурятии

Фото Г. РОЗОВА

ПОСЕЛОК СТАНЕТ ГОРОДОМ

Северо-Байкальск совсем еще молодой поселок. Его улицы — это пока лишь таблички с названиями, прибитые к щитовым домам, а то и к деревьям, между которыми сверкают на солнце гнутыми дюралевыми крышами похожие на ангары сооружения — это общественные учреждения: клуб, магазины, различные склады и прочее. Поселок усиленно строится. Мне понравилось, что здесь соблюдается правило: без нужды не должно быть срублено ни одно дерево. И оттого обыкновенные щитовые сборные дома и серебристые ангары видятся сквозь деревья неожиданно красивыми, по-сказочному призрачными.

Осматривая окрестности, мы оказались на крутом, очень высоком берегу — страшновато смотреть вниз, где далеко в глубине синеет извилистая, стремительная, богатая рыбой Тыя, вода в ней хрустальной чистоты.

И вспомнилось мне, как, будучи корреспондентом «Правды», приезжал когда-то в поселок Горемыка, потом получивший название Байкальское, как на коне пробирался в те давние времена по склонам гор, по тропочке, петлявшей в густой, труднопроходимой тайге.

И вот в этих некогда глухих местах растет большой поселок, который станет городом. Рядом, на берегу Байкала, сооружается порт. Стройка сплавляет в гигантский коллектив самый разнообразный, разноязычный, разнокалиберный человеческий материал. Происходит интереснейший процесс, когда человек, вдруг круто изменив привычным занятиям, покинув насиженное гнездо, устремился в почти не хоженные доныне места. Не жажда заработка, не честолюбивые помыслы погнали его сюда. С неизъяснимым волнением всматриваюсь в лица парней и девушек, сосредоточенно и упорно работающих на этом чрезвычайно важном участке,— вся бамовская стройка в Бурятии с нетерпением и надеждой уповает на окончание их работы, на прием первых судов, ждет открытия столь давно ожидаемой в этом нетеплом году навигации по Байкалу!

Идет монтаж двух портальных кранов. Беседую с пожилым бригадиром-монтажником Геннадием Васильевичем Сковородой, ленинградцем из 21-го экспедиционного отряда треста «Подводречстрой». В наших краях не впервой: монтировал краны на Братской ГЭС.

— Что сказать об этих кранах? — переспрашивает он с добродушной, широкой улыбкой.— Мне нравится, что здесь, на БАМе, испытывается не только наша советская, а и вся мировая техника, представленная лучшими ее образцами. Эти вот краны — один марки «Ганц» из Венгрии, другой «Альбатрос» из ГДР... Словом, СЭВ.

Грохочет, гремит стройка порта на Байкале, взвивается белесая песчаная пыль вслед уходящим самосвалам...

Северо-Байкальск — это не просто порт на Байкале: здесь прорубается окно в места, которые оживит железная дорога, места неоглядные, пока еще пустынные, но богатейшие. БАМ пройдет по месторождению «Молодежное». Там будут добывать текстильный асбест с длиной волокна четырнадцать сантиметров. Для сравнения: сейчас мы радуемся уральскому, а у него «ворс» длиной всего три-четыре сантиметра. На севере Читинской области БАМ введет в оборот Удокан — уникальное месторождение с большим содержанием меди в руде — значительно выше знаменитой чилийской меди! Северо-Байкальск — это и главный тыл бурятской части БАМа. Ведь на северной оконечности Байкала дело начали буквально на пустом месте: тут единственная коммуникация, связывающая строителей с Большой землей,— бурное, порой и страшное сибирское море Байкал.

ПЕРЕВАЛ

«Даван» в переводе с бурятского значит «перевал». Не ищите на карте эту географическую точку; лежит она в глубине северобайкальской тайги, в окружении голых, скалистых гор, где даже в июне сверкает ослепительный снег.

На Даване работают тоннельщики, здесь расположен участок двенадцатого тоннельного отряда. Его начальник — Александр Тарасюгин. Слышал, что он был участником экспедиции в Антарктиду. Интересно бы с ним поговорить, да уж больно неуловимый человек!

Пробираемся к месту, где начались тоннельные работы. Здесь мощные самосвалы, автокраны, экскаваторы, гудит бурильная установка — сверлят скважину для питьевой воды, которую будут доставать с глубины более двухсот метров. Нам повезло — мы стали свидетелями исторического события: устанавливалась первая металлическая арка подходной штольни Байкальского тоннеля. Никаких торжеств по этому случаю не было. Тоннельщики — народ суровый, как и условия, в которых они работают. О подходной штольне рассказывает инженер Николай Иванович Пархитько:

— Мехколонне № 160 по генеральному проекту предстоит вынуть громадное количество земли на подступах к восточному порталу — входу в тоннель. Дел оказалось значительно больше, чем предполагалось по проекту. И тогда мы решили врезать боковую штольню, чтобы широким фронтом, сразу же в нескольких местах приступить к проходке главного тоннеля. По нашим расчетам, выиграем не меньше полугода.

Николай Пархитько — опытный тоннельщик. На БАМ приехал, закончив стройку Лысогорского тоннеля на дороге Краснодар — Туапсе. За его плечами тоннели на дороге Абакан — Тайшет, проходка винных погребов Абрау-Дюрсо, водопроводный тоннель в Ялте.

На самом видном месте лежит пятнадцатитонная каменная глыба — тоннельщики с ювелирной точностью откололи ее взрывом от

●

Грузы для БАМа.

Первая арка тоннеля.

Строится склад в Новом Уояне.

Северобайкальский порт.

Друзья.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Семья Скалабанов. Галина — монтажница, Валерий — плотник и их дочь Оксана.

Восточный портал Байкальского тоннеля.

Здесь будет шоссе...

KATO

громадного скального монолита. На эту глыбу нанесут навечно имена тех, кто стал пионерами строительства Байкальского тоннеля.

Валентин Романович Толстоухов двадцать лет был бригадиром проходчиков Московского метростроя. Мастер на все руки — и проходчик, и подрывник, и бетонщик, и компрессорщик,— словом, нет такой подземной специальности, которой бы он не владел. Это Толстоухов так пробурил шпуры в скале, что историческую глыбу, словно ножом, отрезало от монолита. Валентин Романович прибыл сюда с сыном Женей, окончившим в прошлом году среднюю школу. Он теперь компрессорщик.

— Мог, конечно, и в институт поступить,— сказал Валентин Романович.— И мать на этом настаивала. Но я убедил его, чтоб сначала на БАМе испытал свои силы, а потом определил, поступать ли ему в вуз и в какой. Пускай поработает, присмотрится к настоящим-то инженерам, а тогда и решает.

Да, БАМ — это серьезное испытание на зрелость. Здесь собрались люди, морально, профессионально, физически закаленные и подготовленные великой эпохой первых пятилеток, войной, тяжелой порой восстановления разрушенных городов и сел, заводов и фабрик. К БАМу эти люди шли через стройки грандиозных электростанций, нефте- и газопроводов, новых железных дорог.

Страна посылает на БАМ лучшие кадры. Большое впечатление произвело на меня знакомство с главным механиком тоннельного отряда № 12 Владимиром Васильевичем Меркуловым. Ему тридцать пять. Семь лет проработал конструктором в Центральном научно-исследовательском институте подземного машиностроения. Владимир Васильевич руководил разработкой комплекса для проходки по породам разной крепости. Опытный экземпляр был испытан два года назад на шахте «Холодная Балка» в Донбассе. Меркулов получил авторское свидетельство.

— Как определяете свою роль на Байкальском тоннеле? — спросил я его.

Владимир Васильевич ответил не сразу. Он не из тех, у кого ответ на любой вопрос всегда на кончике языка.

— Чтобы ответить на ваш вопрос,— медленно, как-то размеренно, словно стараясь, чтобы слушателем было усвоено каждое слово, начал Меркулов,— надо представить себе, что такое Байкальский тоннель, что за грунт, каковы грунтовые воды и сколь мощны скальные породы. Подробной геологической карты района проходки тоннеля нет. Да, пожалуй, и быть не может. Но, судя по тем данным, которые все же имеются в нашем распоряжении, мы можем сделать следующее заключение: нас ожидает конгломерат первостатейных сложностей. Много скального монолита, причем могут встречаться породы предельной крепости. Ожидаются геологические разломы, наиболее сложные для проходки. Вполне вероятно и наличие плывунов, различных минеральных источников, в том числе горячих, находящихся под большим давлением. Вот с учетом всего этого и должна строиться техническая стратегия проходки тоннеля. Она и определит потребность в механизмах — и по количеству и по качеству. Для меня лично это интереснейший полигон, где можно провести всесторонние испытания подземных проходческих машин всех новейших конструкций. Для инженера-конструктора не может быть лучшей школы.

Начальником тоннельного участка Даван не так давно назначили Владимира Петровича Кима. После окончания Московского горного института семь лет проработал на шахте «Восточная» в городе Еманжелинске, Челябинской области. Был механиком, энергетиком, потом стал начальником участка.

— Что меня привлекает на БАМе? — Владимир Петрович наклоняется к столу и задумчиво разглядывает какой-то чертеж.— Люди! Удивительные люди. Могу сказать без риска впасть в преувеличение: чтобы стране оказалась по плечу такая стройка, она должна была вырастить достойного строителя. Он у нас есть, он на БАМе. Тут нет половинчатых людей. Отношение каждого к делу: взялся, так уж будь любезен... Увлеченные здесь люди. И от руководителя ждут такой же увлеченности. Если начальник не способен увлечься сам, он не сможет увлечь никого.

Владимир Петрович за короткое время успел полюбиться даванцам. Принципиальностью, справедливостью.

БАМ — это мозаика характеров и устремлений. Руководителю важно не потеряться в этой мозаике, суметь утвердить себя. А для этого он должен всегда иметь моральный резерв, ни в коем случае не делать того, что сам порицает. Только при этом условии удастся создать по-настоящему крепкий, выносливый, работоспособный, дружный коллектив.

— Сейчас для меня главное — индивидуальная работа с каждым человеком,— говорит Владимир Петрович,— изучение его возможностей. Если мне удалось найти с ним общий язык, значит, мне удалось выиграть этого человека для коллектива. У нас между инженерами произошел интересный спор: как убирать породу из штольни? Один доказывает: вагонетками. Другой не согласен: нельзя, говорит, вычерпывать ложкой воду из пруда, надо вывозить породу мощными самосвалами. Сторонник вагонеток находит поддержку у горной инспекции. Формально он прав: автомашины могут создать в штольне опасную загазованность. Похоже, что он заботится о здоровье проходчиков. А на самом деле все выглядит иначе. Тут иная цель: потихоньку-полегоньку, без напряжения, без высоких темпов, без большой траты нервной энергии. Прокладывай не спеша рельсы, не спеша вывози вагонеточками породу. Если же согласиться с другим вариантом, то девятитонные грузовики создадут такое напряжение, что надо будет инженеру волчком вертеться, чтобы они не простаивали! А ведь он опытный специалист, должен бы знать, что решение этого вопроса уже есть — газоочистные фильтры отечественного производства. Вот вам пример, как на БАМе идет испытание на зрелость.

КТО БУДЕТ ПЕРВЫМ!

Управляющий трестом «Нижнеангарсктрансстрой» Владимир Михайлович Кривочуприн — интересный собеседник. Возглавляемый им трест — генеральный подрядчик на Бурятском участке БАМа. Хлопот, как говорится, полон рот. Надо руководить подразделениями треста да еще управлять множеством субподрядных организаций, подчинять их деятельность железной дисциплине сроков, качества, плановости. Нелегкое это дело.

— В строительно-монтажных поездах вводим аккордно-премиальную систему оплаты,— рассказывает Кривочуприн.— Это подступы к злобинскому методу бригадного подряда. Вы видели здесь плакат с условиями конкурса: кто будет первым в соревновании бригад, работающих на подряде? Ваш журнал «Огонек» — один из организаторов этого дела, конкурс вызвал у нас большой интерес. Аккордно-премиальная система оплаты — решающее звено, ухватившись за которое мы должны вытянуть всю цепь наших сложностей и трудностей. Система эта уже дает плоды. А когда наладятся надежно и устойчиво наши коммуникации и пойдет бесперебойное снабжение материалами, будем заключать договора с бригадами при двусторонних обязательствах, начнет действовать метод бригадного подряда. Тогда руководитель знай поворачивайся, осваивай высокую техническую культуру строительного дела, вводи строгую и продуманную систему обеспечения материалами, документацией. Не сумел — грош цена тебе как руководителю большого строительства. На БАМе испытывается не только инженерная мысль и не только техника. Здесь проверяются организаторские способности руководителей всех рангов. Будете в Уояне, обратите внимание на только что созданную бригаду Николая Петровича Шутелева. Ее переводят на аккордно-премиальную систему. Новую бригаду, заметьте, в которой бригадир еще не всех по именам знает. Смелый эксперимент.

От Владимира Михайловича узнаю, что Северо-Байкальск строится как поселок городского типа. Он не из времянок будет состоять, а из построек капитальных. Имеется генеральный план, исполненный «Ленгипрогором».

В Северо-Байкальске планируют возвести школу искусства. Красивая затея: детей будут учить музыке, пению, хореографии, живописи. Делается все, чтобы строители, привыкшие к сборно-щитовым домам, на БАМе жили в условиях, достойных великой стройки. Интересна эволюция в устройстве жилья для этой вечно кочующей категории строителей: Абакан — Тайшет — печи и дрова; Тюмень — Сургут — котельные установки; БАМ — центральное отопление.

НОВЫЙ УОЯН

Уоян — эвенкийское название старинного селения, в котором живут охотники-промысловики, рыбаки. Мы виделись в Старом Уояне с охотником Иваном Реентом, сдавшим за минувший сезон 116 соболей.

Новый Уоян — в двенадцати километрах от Старого. Поселок славный. Дома виднеются сквозь густые деревья — здесь строго запрещена их порубка. Только в случае крайней необходимости.

Разыскал я ту самую бригаду Шутелева. Строят мост через речку Сикили. Всего пять дней прошло, а уже стоят опоры. Оказалось, Николай Петрович Шутелев и впрямь еще не всех своих ребят знает по фамилиям: принял новую бригаду совсем недавно.

— А как вы рассчитываете из людей, которых вы еще не совсем знаете, сколотить хорошую бригаду, да еще взяли обязательство закончить строительство моста за полтора месяца?

Шутелев широко улыбается.

— А я не рассчитываю, я делаю бригаду,— говорит он.— Люди сюда работать приехали. В работе и буду их изучать. Я прошел хорошую школу — строительство дорог Тайшет — Абакан, Тюмень — Сургут,— тихо произносит Николай Петрович.— У меня в прежней бригаде был железный закон: не ныть и не темнить! Аккордно-премиальная оплата — это такая штуковина... Если один не в полную силу работает, а по-нашему, темнит, то за него должен вкалывать другой. А это подло. Начал так вести себя — уходи. Все должно быть на доверии и чтобы на совесть. Живем в тайге, а не в поселке. Всякое здесь бывает: и газеты не вовремя придут, и радио не послушаешь, и с питанием иногда не очень. Мы к трудностям привычные, а потому у нас правило: не скулить, не портить настроение другим. Ведь всем одинаково нелегко. Люди у нас с разными навыками. Есть и такие, что и топор первый раз в руках держат. Не будем их гнать, нельзя, учить надо. Поэтому у нас установлено: если совсем новичок — руби сучки и таскай бревна. Трудное это дело, и каждый такой новичок будет изо всех сил стараться, чтобы научиться мастерству, и как можно скорее. Это нужно и всей бригаде, потому что оплачиваемся мы все по одному разряду, и надо, чтобы все умели сложные работы выполнять. Вот и выходит: один за всех, все за одного.

Дня за три до нашего приезда к бригаде вышел медведь — их немало в окрестности. Порычал, поорал и ушел. А люди никакого на него внимания: некогда. В речке Сикили полно рыбы — хайрюза, таймени. Но из бригады Шутелева нету рыбаков на берегах Сикили: некогда. Мост нужен до зарезу, он должен быть сдан к сроку — грузы бамовские на Мую дожидаются, надо скорее пробить дорогу к Нижнеангарску. Некогда рыбачить, некогда и с медведем якшаться! Люди работают полный световой день. Не разгибая спины. Не поднимая, как у бурят говорят, упавшей шапки.

Иван Хрисанфович Иванов прибыл в Уоян из Калуги. До появления нового руководителя

Таежный вечер.

строительно-монтажный поезд № 572 работал неважно. В коллективах разброд, шатание, дисциплина низкая, в нарядах приписки, план заваливается. Причина: прежнее руководство растерялось перед множеством сложных проблем, перед трудностями и, несмотря на все старания, так и не увидело, за что бы надежно ухватиться, чтобы выправить положение. А трудностей тьма. По тяжелейшим местам идет участок трассы, что должен вести этот поезд. Зимой наледи намораживались до пяти метров высотой! Дорожные машины нарушают поверхностный слой почвы над грунтовыми водами, пятидесятиградусный мороз выжимает эти воды наверх. Там, где ушла подпочвенная вода, образовались карсты — и ухают в эти огромные пустоты бульдозеры, проваливаются автомашины.

Всего пять месяцев прошло с приезда Иванова и главного инженера поезда Георгия Михайловича Вербицкого, и дело, как по волшебству, круто пошло на подъем. План пяти месяцев выполнен на 136,2 процента. Мне показалось это невероятным, ведь чудес не бывает: что можно было сделать за столь короткий срок?

— Мы здесь круто изменили отношение к человеку,— говорит Иван Хрисанфович.— Существует старая истина: чем труднее и тяжелее условия, тем неустанней и глубже должно быть внимание к человеку, к его нуждам. Не ленись в эти нужды вникать и помогать по-настоящему. А здесь, на севере, человеку трудно. Мы стали требовать от ИТР решительного улучшения условий труда рабочих. Многие из них не имеют достаточного опыта, нужной квалификации. Организовали срочное и эффективное обучение, стали пресекать беспощадным образом проявления всякой несправедливости в оплате труда. И главное, решительно ввели аккордно-премиальную систему оплаты. Я не случайно употребил выражение «решительно»: мы встретили сопротивление. Чтобы вы яснее представили себе все это, приведу один пример. Бригаде Александра Михайловича Разгильдеева был выписан аккордно-премиальный наряд на строительство клуба. По нормам он должен был строиться три месяца, а бригада сдала объект за сорок два календарных дня. Недоумение было полнейшее, принимали работу чуть ли не с лупой — качество оказалось отличное! Но когда стали рассчитывать, всполошилась бухгалтерия — не привыкла она к таким расчетам, слишком большими показались суммы, которые надо выплачивать! Пришлось разъяснять. Когда же мы убедились, что нас продолжают не понимать и идет это от косности и элементарной трусости, применили власть. Иначе было нельзя, прояви слабинку — вышел бы обман, и ничего бы мы потом не добились, ни о каком внедрении злобинского метода нечего было бы и думать. Счетные работники прекрасно знали, что приписки — постоянные спутники индивидуальных нарядов, а попробуй-ка мастер при колоссальном многообразии строительных работ усмотреть за каждой выполненной операцией — будь он хоть семи пядей во лбу, не усмотреть ему. Приписки может прикончить только аккордно-премиальная система. Вот наладятся дороги, а с ними добьемся четкой системы снабжения и тогда полностью перейдем на бригадный подряд по методу Злобина. Так что БАМ — это испытание на зрелость руководства, всех его звеньев, а метод Злобина, основанный на двусторонних обязательствах администрации и рабочих,— лучшая проверка такой зрелости. При этом методе возможности повышения производительности труда практически неограничены.

Я слушаю взволнованную речь Ивана Хрисанфовича и ловлю себя на мысли: сколько в нем увлеченности, сколько веры и страстной устремленности, как он непохож на тех руководителей, к сожалению, не единичных в нашей среде, которые привыкли к округлым фразам, к дипломатничанью, а то и к бесстыдному вранью,— поистине БАМ потребовал настоящих людей, и их в изобилии страна послала сюда. Мне рассказали о трогательном случае, что произошел в начале марта этого года в Новом Уояне. Новое руководство еще ничего не успело сделать, оно было занято заделыванием брешей в финансовом хозяйстве, наводило порядок в подразделениях. Подошел день 8 Марта. Иванов обнаружил, что нечем поощрить передовых работниц. Он к таким вещам не привык. Он считал это позором. Что же было делать? Директорского фонда нет, 1975 год в финансовом отношении прошел неудовлетворительно. Выход все же нашли, втайне от женщин были приняты решения на собраниях мужчин по участкам — провести субботник, а на заработанные деньги пусть профсоюзы приобретут подарки. Предложение начальника очень понравилось мужчинам, а женщины были растроганы до слез.

Сейчас положение с финансами в хозяйстве Иванова неплохое. Создан фонд мастера — устанавливается лимит мастеру при условии общего перевыполнения плана, в пределах этого лимита он поощряет передовых строителей. Руководство поезда, как правило, поддерживает представление мастера, издает приказ о премировании. В результате резко повысилась производительность труда, укрепилась дисциплина. Испытание на зрелость вновь было выдержано с честью! Красноречивый факт: из подразделений этого поезда рабочие не уходят, наоборот, рвутся сюда.

Перед тем как закончить нашу беседу, я сказал Ивану Хрисанфовичу:

— Побывав в подразделениях вашего поезда, я заметил, что все и всем довольны. Означает ли это, что у вас не возникает проблем? Если они все же имеются, то много ли их и каковы они?

Иван Хрисанфович пристально посмотрел на меня и откинулся на спинку кресла.

— Проблем у нас много. Я скажу вам о двух проблемах. Они у меня на шее сидят, ночью спать не дают, доводят порой до бешенства. Первая — это распроклятый вопрос о связи. Есть управление поезда. Но у этого управления нету средств управления своими участками. По каждому пустяку мы вынуждены на участок или в субподрядную организацию гнать машину. Некоторые бригады работают в полном отрыве от конторы участка. Как следить за их работой? При современном уровне техники не иметь телефона или радиосвязи — безобразие! Вот и хочу просить вас через «Огонек» помочь донести мой вопрос до лиц ответственных: кому мы обязаны тем, что иногда нужную нам, как воздух, как хлеб, производственную информацию добываем со своих участков, гоняя многотонные грузовики? Вся страна строит БАМ. Почему же от нас отключено Министерство связи СССР? И второе. Это проблема запасных частей к технике. Я работал на «Калугастрое», и никогда у меня не возникало затруднений с запасными частями. Почему? Потому что в положенное время мы составляли ведомость — заказ на запчасти,— я подписывал ее и был всегда уверен, что по этой ведомости будет обеспечено плановое, без всяких напоминаний снабжение. Осуществляло такое снабжение управление технологической комплектации. А здесь, на БАМе, на великой стройке, никакого подобного учреждения, оказывается, не существует! Вот мы и мучаемся, превращаемся зачастую в попрошаек. Это никуда не годится!

* * *

Я уезжал из Уояна по новой дороге, которая идет на Нижнеангарск. Она, конечно, еще не хороша, она только строится. Но уже то, что такая дорога имеется, что она идет по трассе БАМа, по которой будут бегать поезда, рождало в груди тепло и вызывало чувство гордости за мою великую страну — хорошо сознавать, что она настолько могущественна, что строит железную дорогу столь огромной протяженности по самым глухим местам, преодолевая невероятные, порой фантастические трудности.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ивана Савельева Алейников все же отыскал. Он нашел его через день километрах в трех от передовой, куда отвели остатки 3-го гвардейского танкового полка, уцелевшие после боя.

Полдневное солнце щедро обливало лучами изувеченный перелесок, обезображенную гусеницами поляну, несколько танков — обшарпанных, с вмятинами на броне, с обгоревшей краской. Танки стояли по всей опушке в беспорядке, как на кладбище, в разные стороны разбросав пушечные стволы, и казалось, что они никогда больше не заведутся, не оживут, не превратятся в грозные боевые машины.

Иван был в нижней рубашке, бос, с повязкой на голове. Выстиранная гимнастерка и портянки были развешаны на кустах. Примостив между сучьями дерева осколок зеркала, он тупой бритвой соскребал со щек грязную и крепкую, многодневную щетину и, когда зашумел мотор алейниковской «эмки», даже не повернулся на звук. И Алейников не узнал его в первые секунды, спросил, проходя мимо:

— Третий гвардейский, что ли? Эй, солдат, тебя спрашиваю.

Иван мельком глянул на приехавшего майора.

— Ну, третий...

— Где найти командира полка?

Иван глянул и отвернулся было, но тут же резко, всем телом крутанулся к приезжему офицеру, отступил назад и чуть вбок, будто пытаясь спрятаться за дерево.

— Савельев?!

Иван еще немного отступил.

— Ну, наконец-то! Здравствуй. Или не узнаешь?

— Почему же... Узнал.

Алейников шагнул к нему еще ближе, первым протянул руку.

Иван помедлил, но тоже подал ему свою. Так они встретились.

— А я который день разыскиваю вас. Тебя и племянника твоего. Из дивизионной газетки про вас случайно узнал. Расписали вас там! Потом мне в штабе дивизии сказали, что вы на высоте, в тылу у немцев оказались... Семен-то Савельев, племянник, где?

Иван отвернулся и глухо произнес:

— Не найдешь Семку...

Окончание. См. «Огонек» №№ 18—32.

ВЕЧ

— Убит?! Ранен?

— Ну, убитый! — враждебно сказал Иван, натягивая гимнастерку.

Яков стоял и хмурился. Иван, надев гимнастерку, взял высохшие уже портянки, сел под дерево, стал обуваться.

— Жалко парня,— сказал Алейников.— Как же это случилось?

Иван бросил снизу быстрый взгляд на Алейникова.

— А что, особый отдел не знает, как это на войне случается?

— Иван Силантьевич, я не из особого отдела,— проговорил Алейников негромко, ощущая перед этим рядовым солдатом неловкость.

Иван опять глянул на Алейникова снизу, глаза его не потеплели, но в них промелькнуло любопытство.

— А откуда ж тогда? — спросил он, вставая. В словах его была недоверчивость.

— Я начальник специальной прифронтовой группы НКВД.

— Это... что же такое?

— Полезная организация... Разведка, диверсии в тылу у немцев. С партизанами связь держим, помогаем им, чем можем... Дел, в общем, хватает.

— Понятно,— помедлив, сказал Иван.

...Спустя некоторое время они — два далеко уже не молодых человека, один в офицерской, а другой в солдатской форме — сидели меж невысоких березок на мягкой, пахнущей дымом и гарью траве, неподалеку от опушки, на которой собрались ободранные пулями и снарядами танки, недавно вышедшие из боя. На траве стояла вскрытая банка мясной тушенки, котелок с кашей, лежали две ложки, полбулки черствого хлеба, фляжка с водкой, из которой они отхлебнули всего по глотку. За встречу, как сказал Алейников. Иван возражать не стал и молча принял фляжку из рук Алейникова. И теперь он негромко, не спеша, часто останавливаясь, рассказывал тусклым, уставшим голосом:

— Убило Семку рано утром, солнце едва на сажень разве от земли поднялось... Он контуженый был, до того в траншее лежал, в голове у него от контузии неладно было. Наши погнали немцев, тучами они побежали... и прямо на нас! Все, думаем, сомнут нас, растопчут. И с востока немцы отступали и из-за реки. Оттуда их какая-то наша часть выбивала, Ружейников, командир батареи, говорил, штрафники будто...

— Штрафники,— подтвердил Алейников.— Через болота штрафная рота ударила.

— Да мы видели... Еще удивлялись. А это штрафное дело тоже по твоей части?

— Нет, это совсем другое,— сказал Алейников.— А знаешь, кто штрафной ротой командовал? Кошкин Данило Иванович... земляк наш.

Иван это сообщение внешне воспринял как-то равнодушно, лишь повернул к Алейникову голову и переспросил:

— Кошкин? Ну, помню.

Иван — Алейников все время это чувствовал — был его неожиданным появлением несказанно удивлен, даже ошеломлен. Напрасно вырвавшиеся его слова: «А я который день разыскиваю вас»,— еще более озадачили Савельева, он все время держался настороже и скованно, и вот теперь лишь в его холодных, измученных всем пережитым глазах начало что-то оттаивать.

— Ты Кошкина-то хорошо знал? — спросил Алейников, понимая, что разговор может зайти или уже зашел в тяжкую для него область. Но он не хотел избегать этой тяжести или уклоняться от нее.

— Где же хорошо? Сколько я жил-то... в родных местах? — с горечью произнес Иван.— Все больше в других краях приходилось.

Он взял фляжку, отвинтил крышку, плеснул в нее и выпил. Ковырнул ножом в банке, достал кисет. Алейников все это время сидел молча, разглядывая что-то на траве.

— Давай-ка, Яков Николаевич, не будем об этом,— проговорил Иван негромко.— Нелегко об том... ни тебе, ни мне. Тут и без того...

Однако, чиркнув спичкой, спросил:

— Как же он в штрафных командирах оказался? Не знаешь?

— Из тюрьмы в штрафную роту направили. В первом бою судьба его пощадила... Ну, и остался в роте. Был командиром отделения, взвода... Командиром роты потом назначили. Эх, Иван Силантьевич! Я только здесь узнал, какая душа была у этого человека.

— Как?! Он...

— Да, тоже погиб в этом бою,— сказал Алейников.— Погиб Данило Иванович...

Иван медленно опустил голову, посидел недвижимый. Потом, подведя, видимо, итог каким-то своим мыслям, негромко вздохнул.

— А я, дурак, письмо в Шантару послал Кружилину о вас,— с горечью промолвил Алейников.— О тебе и о твоем племяннике. И статью эту о вас из газеты вырезал и туда вложил. Пусть, думаю, порадуются за земляков... Как же все-таки это произошло?

— Как... На словах объяснить просто, да не все понятно будет... Нас четверо было на высоте. Трое даже. Семка от боли в голове метался в траншее, контузило его, я говорил. А отступающие немцы, значит, к высоте бегут. Но тут ихние танки откуда-то выскочили, десятка три, ежели не больше. Поперли мимо высоты навстречу своим. Видя такой оборот, немецкая пехота, что с востока отступала, назад повернула. И те фашисты, что от реки бежали, тоже ощетинились, прижали штрафников к земле. А мы что со своей одной пушкой?! К тому же лейтенанта Магомедова еще убило. Ружейников крикнул: «Ну, братцы, последний парад!» Выкатили мы кое-как орудие на восточный склон холма, ящик со снарядами успели подтащить. В это время и убило Магомедова, пуля откуда-то прилетела. Охнул он, что-то крикнул по-своему, по-азербайджански, и упал на снарядный ящик... кровью окрасил его. Тут, гляжу, Семен вылез из траншеи, идет к нам, мотает головой. И руки болтаются, как плети. «Танки же,— орет,— танки!» Будто мы не видим. Подошел к Магомедову, снял тело со снарядного ящика, вынул снаряд. А на гильзе полосы, кровь Магомедова, еще светлая и теплая. И рука Семена в его крови... Это мне все врезалось, все в глазах вот стоит. «Что ж вы,— кричит Семка,— не стреляете, сволочи?!» А мы бьем по танкам, вслед им. Ружейников у панорамы согнулся, а я заряжаю... Подожгли вроде не то две, не то три машины. А может, и не мы — видим, наша артиллерия тоже лупит через наступающие порядки по немецким танкам.

— Это артполк, приданный 215-й дивизии, перенес огонь под высоту,— сказал Алейников.

— Ага... Только-только их пушки нас не накрывали. Впереди все потонуло в дыму и пыли. Да и зря, что не накрыли... К тому времени, как Семка подошел, я уже опростал ящик, взял у него последний окровавленный снаряд, подтащи, кричу, другой ящик. Кричу, а сам вижу: сбоку по склону прямо на нас карабкается немецкий танк. Черт его знает, откуда взялся! То ли какой из тех, что мимо высоты прошли, вернулся, подошел, не замеченный в дыму, то ли новый подполз. «Ружейников!!!» — заорал я что было мочи, а голоса не слышу. Должно, осел со страха голос. Да и что кричать... Поздно уже: свой хобот немецкий танк чуть не в пушку уже воткнул. «Все! — мелькнуло у меня молнией.— Счас выплюнет снаряд... а потом обломки от нашей пушки гусеницами в землю вдавит». Сколько раз мы так делали! А теперь, думаю, наша судьба подошла... Снаряд у меня вывалился из рук, Семку я толкнул в бок что было силы, сам вроде скачок за ним сделал...

Иван замолчал, жадно стал досасывать самокрутку. Когда подносил ее к губам, пальцы его подрагивали.

— И что же... дальше?

— А так все и произошло... Взрывом меня об землю бросило. Но, чую, живой, только головой об камень ударился.— Иван дотронулся до повязки, усмехнулся.— Вишь, как бывает, ни осколок, ни пуля головенку мою никудышную не могли найти, а об камень проломил. Вскочил я... Танк, раздавив гусеницами нашу пушку, уже ушел, не видно его. Ни танка, ни пушки нашей, значит, на ее месте один дым стоит. «Ружейников там же, возле пушки, был! Ружейников! — заныло в мозгу.— А Семка?! Где Семка?!» — Иван по-прежнему трясущимися пальцами вдавил окурок в землю.— А Семка, значит, был уже готов... Он лежал, распластавшись, на животе, с окровавленной спиной... Осколок угодил ему меж лопаток, вырвал лоскут гимнастерки... Перевернул я его, лицо у него серое, мертвое... Мне его даже и не жалко было как-то в ту минуту, онемело только все внутри у меня...

День стоял, как и предыдущие, знойный и безветренный, березки, под которыми они сидели, давали жиденькую тень, немного защищали от солнечных лучей, но все равно было душно. Гимнастерка Алейникова была, однако, наглухо застегнута, и только сейчас он как бы нехотя поднял руку и расстегнул две верхние пуговицы.

— И Ружейников, значит, погиб?

— Нет,— сказал Иван, голос его вдруг захлебнулся. Проглотив комок слюны, продолжал: — Как он уцелел — прямо ошарашило меня. Я возле Семки сижу, чую, кто-то в стороне маячит сквозь не осевшие еще дым и пыль. Гляжу: там, где пушка стояла, поднялась растопыренная, страшная, обгорелая фигура, двигается ко мне, как... ей-богу, как леший сквозь болотный туман идет... Подошел, сел, на Семку глянул. Вот тебе и сосенки-елочки, говорит. И он весь в крови, и Семка, и у меня по щеке течет с головы... Счас Ружейников в санбате лежит, утром я был у него. Улыбается. Мне, говорит, дырки залепят и новую батарею дадут, давай ко мне в батарею, командиром орудия назначу...

— Да-а! — только и сказал Алейников.

Потом в воздухе долго стояла тишина. С опушки, где стояли танки, доносились приглушенные листвой голоса, кто-то заразительно хохотал, и слышались удары молотка о железо. Но все эти звуки не нарушали глухого и тяжкого безмолвия, повисшего над Алейниковым и Савельевым Иваном.

— Ну и сушь стоит! — проговорил наконец Иван.— Хоть бы маленько дождик брызнул, воздух прочистил... Зачем же мы тебе с Семкой понадобились-то?

Алейников приподнял голову на онемевшей шее, потер пальцами по привычке

НЫЙ ЗОВ

шрам на щеке. Потом медленно повернулся к Ивану, оглядел его так, будто видел впервые. Иван даже сказал невольно:

— Чего это ты еще?!

— Зачем? — переспросил Алейников.— Посмотреть на вас да сравнить...

— Чего? С чем?

Уголки рта Алейникова шевельнулись, в выражении лица проступило что-то жесткое, беспощадное.

— Тебя... с братом твоим Федором. А сына — с отцом, значит.

— Как это сравнить? — проговорил Иван, ни о чем не догадываясь еще, ничего не зная.— Он, Федька, писали из дому, на фронт был взятый прошлой зимой. Погоди, неужто он... тоже здесь?!

— Нет, не здесь. Но и недалеко. Он у немцев карателем служит.

Еще не замолкли эти слова, а Иван, будто подкинутый страшной силой, вскочил, попятился от Алейникова, хватаясь, чтоб не упасть, за вершинки и ветки молодых березок, ломая и обрывая их. Его щеки, только что очищенные от многодневной щетины, рыхло дергались, глаза делались все больше.

Наконец, верхушки каких-то двух молоденьких, всего на метр от земли, березок, за которые Иван ухватился, не оборвались, выдержали, и он остановился.

— Ты... Да ты... чего?! — вытолкнул он одеревенелым языком несколько звуков. Слова были тихими, бессильными, лишь глаза Ивана кричали дико и протестующе.— Федор? Федька?!

— Ага, Федор.

Иван постоял, качаясь, будто и в самом деле был пьян, все держась обеими руками за верхушки березок. Потом отпустил их, пошел, как слепой, вперед. Очутившись возле Алейникова, немного еще постоял безмолвно, как столб.

— Врешь... врешь ты?! — хрипло, без голоса произнес он.

Алейников на это ничего не ответил.

Ноги Ивана больше не держали, подломились, он сел почти на прежнее место, стиснул голову руками.

Так, скрючившись, выгнув обтянутую белесой, только что выстиранной гимнастеркой спину, Иван посидел минуты две. Попрежнему доносились с опушки голоса танкистов, резкий стук кувалды о железо... Потом где-то над головами, в расплавленной солнцем вышине, свободной здесь от дыма и гари, зазвенел, запел жаворонок.

Иван не слышал ни человеческих голосов, ни металлического лязга, но переливчатая, негромкая птичья песня разрезала застывшее сознание, он оторвал прилипшие к голове ладони, поглядел сперва вверх, потом на Алейникова. И Яков, ждавший этого взгляда, все равно поразился той перемене, которая за эти короткие минуты произошла с Иваном. Лицо его, серое и бескровное, будто усохло, сразу похудело, глаза куда-то провалились, в них не было теперь ни боли, ни страха, ни изумления — ничего живого.

— Так...— промолвил он посиневшими губами.— Так он, видно, и должен был... кончить. Федька-то... Слава богу, что Семка...

Трясущимися руками он опять вынул кисет, от сложенной в маленькую гармошку газеты оторвал клочок и, просыпая на колени махорку, стал вертеть самокрутку, но бумага порвалась. Яков достал пачку «Беломора», молча протянул ему, но Иван только махнул рукой, оторвал еще полоску газеты.

— Ах, Яков, Яков...— произнес он с тоской и болью, вздохнув. И с этим вздохом будто вогнал внутрь себя остатки сомнений в происшедшем с Федором, растерянности и изумления, вызванных сообщением Алейникова. Пальцы рук его перестали дрожать.— Получаются куролесы в жизни-то людской. Все криво, криво, а потом и вовсе в сторону. Как же так, а, Яков Николаевич?

Алейников попыхал папиросой, окурок щелчком отбросил в траву.

— Получаются,— сказал он угрюмо. Глядя куда-то вбок, усмехнулся и продолжал вяло и не очень понятно:— Человек, он вообще... Пока учится ходить — шатает его с одного бока на другой. А научился — и пошел, пошел, верно, в сторону. Каждый в свою. А куда? Правильный ли путь-то взял?

— Это ты мою жизнь имеешь в виду?

— Да хоть твою,— проговорил Алейников.— Хоть мою... Хоть брата твоего Федора. Любого человека.

Голоса людей на опушке затихли, и металлический стук прекратился. Только в выжженном, обесцвеченном солнцем июльском небе где-то по-прежнему звенели жаворонки, теперь не один, а несколько. Иван слушал их, глядел то в одну сторону высокого неба, то в другую. Птиц он отыскать там не мог, а губы его временами оживали, и в глазах появились странные отсветы.

— Скоро я, может быть, с Федором, братом твоим, и повстречаюсь,— негромко проговорил Алейников.— Послезавтра я с группой ухожу к немцам в тыл, под деревню Шестоково. Там одна немецкая разведорганизация окопалась. Приказано ее немного пощупать... Там же, в Шестокове, и Федор у немцев служит.

Алейников глядел прямо в лицо Ивану. Тот взгляда не отводил, только светлые точки в его глазах дрогнули и исчезли да кожа на скулах сильно натянулась.

— Ты... для этого... чтобы сообщить все это... и разыскивал... нас с Семкой?

— Да. И для этого,— сухо ответил Алейников.

Иван ничего не выражающими глазами скользнул по гладкому подбородку Алейникова, по его груди, на которой, как и у самого Ивана, не было ни орденов, ни медалей, по его рукам с сильными, жесткими пальцами, в которых он вертел спичечный коробок. Задержал взгляд на этом коробке и отвернулся.

Откуда-то из-за кустов появился Гриша Еременко. Он ничего не спросил, ничего не сказал, бросил только взгляд на Алейникова, подобрал с травы ложки, взял котелок с остатками каши, фляжку, хлеб, недоеденную тушенку и исчез так же безмолвно, как и появился.

— Слава богу, что Семена убило...— проговорил Иван, наконец.— Если убило...

— Как?! — мгновенно воскликнул Алейников.— Как это... если убило?!

— Погиб он, конечно... Я же сам видел. Только не пойму, куда тело делось. Я после боя всю высоту облазил. Еще до того, как убитых хоронить начали. Нету его, не нашел.

— Куда ж он делся?

— Не знаю. Я все обыскал.

— Да что ты голову мне морочишь?! — зло воскликнул Алейников.

— Не морочу я! — вскипел и Савельев. Но тут же остыл, принялся, как и раньше, не спеша рассказывать:— Оно как все было там у нас, после того, как танк этот орудие наше раздавил? Ружейникова тоже взрывом отбросило от пушки, этим и спасся. Плечо его осколками ободрало только. Подошел он, значит, ко мне, сел, на Семку глядит... Помню, спросил, сколько ж ему лет. Я сказал. И говорю: давай плечо тебе чем-нибудь перевяжу. Погоди, отвечает, с плечом. Смотри-ка! Это, значит, возле речки снова бой закипел, стрельба заревела. Мы кинулись к своему окопу. Глядим — немцы сыпят от реки. Сбили их, значит, погнали. «Ага, сосенки-елочки!» — засверкал глазами Ружейников. А сам диск в автомат вбивает. Потом гранаты стал по карманам рассовывать. И мне: «Бери остальные, чего головой вертишь, как дурак?!» А я верчу, потому что вижу: из-за дымов, что на западе распластались, кучи немцев бегут. И опять в сторону нашей высоты. Земля в ту сторону ровная, как стол, кой-где только овражками изрезана. Километра на два вдаль до самых дымов все видно. «Гляди,— закричал я,— и оттуда немцы отступают!» «Где?— прохрипел Ружейников.— А-а, сволочи! Так тем более айда! Давай!» Махнул мне автоматом, перемахнулся через бруствер. Я за ним, значит...

Алейников сидел неподвижно, грустновато глядел куда-то перед собой. Казалось, он вовсе не слушает Ивана, а размышляет о чем-то, думает какую-то свою давнюю и нелегкую думу.

Однако, едва Иван примолк, тотчас поднял на него свои уставшие, колючие глаза:

— Ну?

— Немцы от реки тоже своих, видать, заметили. Отстреливаясь, в ту сторону и попятились. А нам с высотки их с автоматов не достать. Ружейников и решился навстречу им, с тыла... Я признаюсь тебе... «Сомнут же нас немцы, сами лезем под их сапоги!» — заколотилось у меня в мозгу. Чего мы им, двое-то?! Испугался я, признаюсь, в этот момент. Как будто раньше все и ничего было, а тут холодным лезвием голову разрезало...

— Испугаешься,— угрюмо уронил Алейников.

— Да-а... Однако качусь с холма следом за Ружейниковым. Как зайцы скачем — от воронки до воронки. Больше укрыться негде, высотка голая и гладкая, как бабья титька... Соображаю: к подбитому нами позавчера танку Ружейников бежит. И немцы к нему же от речки пятятся, приближаются. И вот — хочешь, верь, хочешь, нет — так мы до разбитого танка и добежали по голому месту незамеченные. Упали под него...

— Не до того, значит, немцам было.

— Не до того, видно,— согласился Иван.— Штрафники эти и в самом деле дьяволы. Наступали они... страшно и вспомнить. Немцев вдвое, однако, больше было. Только прижмут штрафников к земле, а те опять поднимаются. Под самый огонь... И прут как заговоренные. Косят их, а они...

— Что ж им остается? — сказал Алейников.— Они обязаны выиграть бой. Другого для них не дано.

Иван поморгал белесыми ресницами и потерявшим силу голосом проговорил:

— Да, я знаю. Только не видел никогда до этого.

Иван посмотрел на взмокший, обильно поседевший висок Алейникова, на струйку пота, стекавшую по горячей скуле, обтянутой загорелой, уже заметно одряблой кожей, и вдруг почувствовал, как возникает в нем жалость к этому человеку.

— Оно многого не надо бы видеть, да видим,— произнес Алейников.

— Приходится,— грустно сказал Иван.

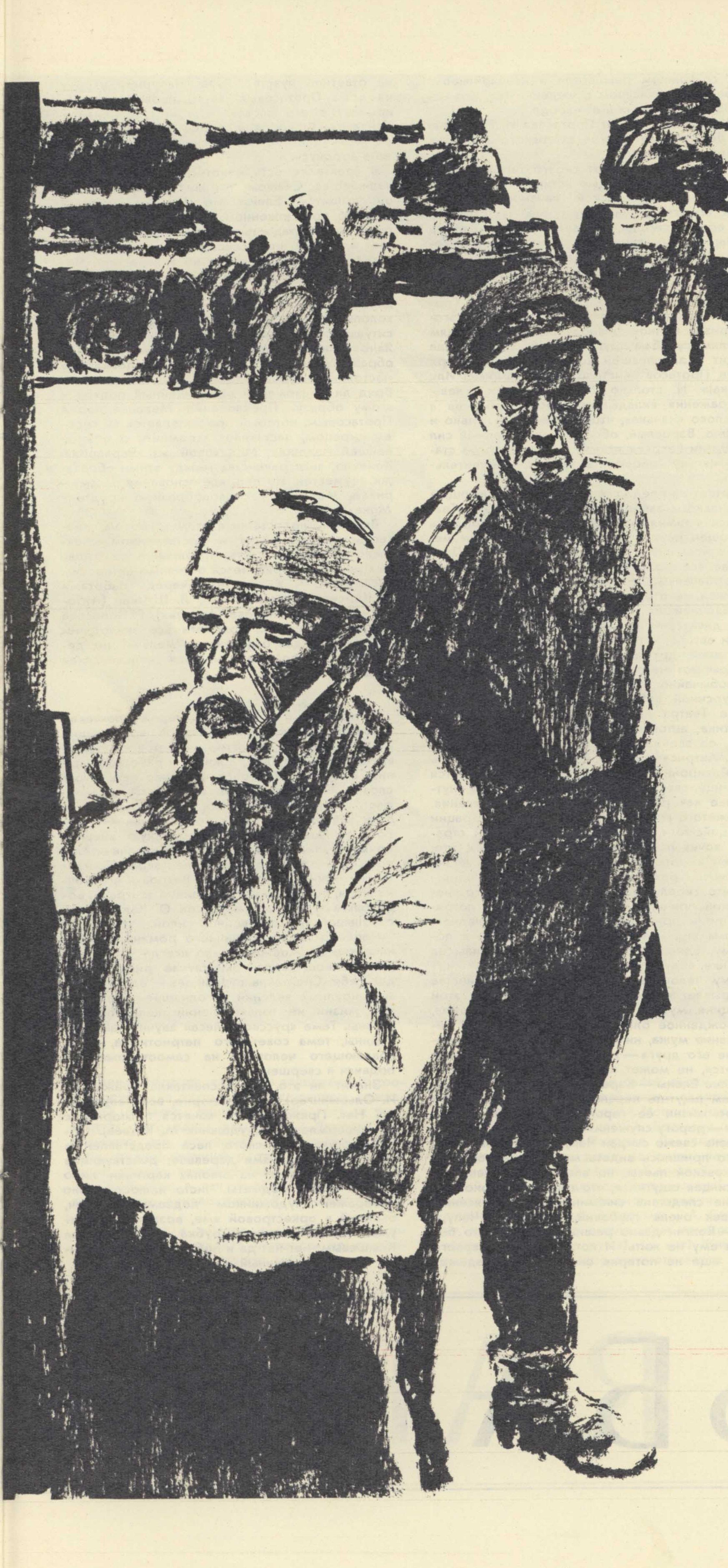
Жалость к Алейникову в душе Ивана все росла, он ощутил вдруг всю тяжесть, которую нес на себе этот человек, и от этого ощущения Алейников сразу стал ему как-то ближе, понятнее.

— Упали под танк... И что потом? — спросил Алейников, не меняя позы.

— Что же потом? Прижались мы с Ружейниковым к вонючей, обгоревшей броне и ударили из двух автоматов навстречу немцам. Какие-то секунды, может, они всего и не понимали, откуда это в них и кто... прилипли к земле. А этих секунд и хватило штрафникам. То есть не то чтобы хватило... То ли они подумали, что какая-то часть им на подмогу, то ли еще чего, только заревели еще звериней... Мы, значит, из автоматов поливаем, немцы палят, сами штрафники, а очередей будто и не слышно, все в сплошном мате тонет. Когда гранаты только бухали, рев этот маленько задавливало...

— Немцы их рева пуще автоматов и боятся,— сказал Алейников.

— Да-а... Ну, сколько бой шел этот — не знаю, не меньше часу, однако. Все огнем и дымом взялось. И гореть вроде нечему, а горело... И как он шел — ничего было не разобрать. Мы после одиночными только стреляли. Потому что мелькнет в дыму немец, и тут же в нашей форме солдат... Вот так под танком мы с Ружейниковым и пролежали. Слышим, бой через нас перекатился, отдаляться стал к высоте. Что же нам-то, думаю, со штрафниками, что ли, идти? Спрашиваю у Ружейникова, а тот стонет лишь. Глянул я — ничего, новой никакой крови не увидел. Куда, кричу, раненый? Стонет он и головой крутит. Эх, думаю, черт ли с ними, со штрафниками-то — обойдутся. Вытащил Ружейникова из-под танка, взвалил на плечи, понес к реке. Вот так... А дальше как бой развивался, ты и сам, на-

верное, знаешь... Остатки немцев от реки на высоту отступили, нашу огневую позицию заняли... где Семка лежал. И откатывающиеся с запада фашисты тоже за высоту зацепились. Целых полдня, считай, там держались.

— Это я знаю,— сказал Алейников.

— Ну вот как на войне-то бывает! Только что мы на высоте были, а теперь немцы. А я с Ружейниковым по берегу мечусь: куда же, думаю, мне? В правый пах его и опять в то же плечо прошило, поглядел я. Кое-как забинтовал своей рубашкой. И думаю все: «Господи, Семка! Хоть и мертвый ты, а... Надругаются же, сволочи, над телом!» А потом наши с востока, от Жерехова, поперли. И оттуда, с запада, пошли. Вскоре наша пехота вдоль реки потекла. Ну, я, значит, доложил какому-то лейтенанту, кто мы такие, откуда. Тот аж глаза выпучил: «Живы?! Знаем об вас!...— И крикнул кому-то весело:— Их сто раз похоронили, а они живые, черти полосатые. Быстро в санроту старшего лейтенанта Ружейникова! Савельева накормить, а после боя я лично трофейным коньяком напою его, доставлю в его родную танковую часть!»

— Ну, и напоил? — спросил зачем-то Алейников.

— Нет...— ответил Иван и вздохнул.— Веселый был лейтенант. Молоденький еще. После боя, когда Семку искал, я на труп его наткнулся. Его, значит, нашел, а Семку нет. Нигде его тела... не было.

Голос Ивана дрогнул, он умолк, лишь долго и тяжко дышал.

— Может, немцы бросили в воронку его куда... да землей присыпали,— проговорил Алейников, когда Иван немножко успокоился.

Иван мотнул головой:

— Все я осмотрел, все обшарил. Тем же часом, как немцев с высоты выбили... Магомедов там и лежал, где погиб. И другие наши... убитые. Никого они даже с места не тронули. Некогда им было и не к чему...

— Не с собой же немцы его труп увезли...

— Да зачем он им... ежели мертвый был? — тяжко проговорил Иван.

Алейников поднял холодные, немигающие глаза. Под этим взглядом Иван сгорбился еще больше, еще ниже наклонил голову, обнажив худую, черную от загара и от въевшейся бензиновой копоти и пороховых газов шею.

— А ежели Семка не убитый был... а без сознания всего, раненый... и в плен теперь угнатый — не прощу себе! Ежели узнаю об том — застрелюсь.

И спина его затряслась, задергалась.

Алейников подождал, пока спина Савельева дергаться перестала, проговорил спокойным голосом, неосуждающим, будто посоветовал дружески:

— Давай, это дело... И жену и детей обрадуешь. Геройством твоим гордиться будут. Жену-то, кажется, Агатой звать?

При имени жены Иван приподнял голову, разогнулся, поглядел вокруг нездоровыми, ничего не чувствующими глазами и уперся ими в Алейникова.

Якову казалось, что Савельев подтвердит: да, мол, Агатой,— но вместо этого Иван произнес, почти не шевеля губами:

— Ты можешь меня с собой... туда, в Шестоково это... взять?

Алейников чуть заметно двинул бровями.

— Ты договорись, с кем надо...— проговорил Иван еще более осевшим голосом.— А, Яков Николаевич?

— Зачем... тебе это?— тоже волнуясь, спросил Алейников.

— Не знаю...— И тут же, словно опровергая не себя, даже не Алейникова, произнес, почти прокричал со злостью:— А разве непонятно? Разве непонятно?

— Хорошо, Иван Силантьевич. Я договорюсь,— глухо ответил ему Алейников.

• • •

На этом мы заканчиваем публикацию глав из 2-й книги романа «Вечный зов».

Полностью 2-я книга романа печатается в журнале «Москва» №№ 7—10.

театр

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Они очень разные, эти спектакли Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина: «Дети солнца» М. Горького, «Приглашение к жизни» Л. Леонова и «Элегия» П. Павловского, показанные в минувшем сезоне. Разные по воссоздаваемому театром времени. По образам. По жанрам... Сцены М. Горького соседствуют с пьесой по мотивам многостраничного леоновского романа «Русский лес» и с произведением, можно сказать, документальным: в его основе переписка великих художников прошлого века — И. С. Тургенева и М. Г. Савиной. А вместе с тем есть нечто такое, что объединяет эти спектакли. Во всех случаях театр как бы раздвигает рамки сценического повествования. Судьба человеческая предстает как судьба народная.

И когда я смотрел эти спектакли и позднее, раздумывая о них, я вспоминал о том, что сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии о теме морали, нравственного воспитания, о теме, которой литература и искусство отдали и отдают немало усилий. Думалось о том, что слова доклада относятся не только к художникам, рисующим нашу сегодняшнюю будничную повседневность, жизнь и быт современной семьи, но и к художникам, воссоздающим страницы прошлого. Обращаясь к классике, к образам великих людей минувшего, театры стремятся развивать «принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности».

Некоторые спектакли, поставленные А. Сагальчиком в пору его режиссерской юности («На всякого мудреца довольно простоты» Островского в Костроме, «Борис Годунов» Пушкина в Новосибирске), вызвали немало споров и нареканий, упреков в искусственном осовременивании классики. Обратившись сегодня к горьковским «Детям солнца», режиссер исторически точен и конкретен в обрисовке людей и быта и в то же время находит и открывает в пьесе, написанной семь десятилетий назад, такие стороны, которые естественно и активно вторгаются в наши сегодняшние нравственные искания. Художник М. Китаев, создавший к спектаклю как бы «кружевной» суперзанавес, отделяющий «детей солнца» от нас, людей в зрительном зале, выступает верным союзником режиссера в неназойливом, но бескомпромиссном осуждении тех, кто отгородился от жизни и от народа.

Блистательно играет Протасова И. Горбачев. Это центральная фигура актерского ансамбля в «Детях солнца».

И. Горбачев наделяет своего героя талантливостью, одержимостью истинного ученого и громадной человеческой наивностью, обаянием, объясняющим, почему же, несмотря на все обиды сердца, продолжает его любить Елена; почему тянется к Протасову его сестра Лиза, как бы олицетворяющая собою чистую, раненую совесть времени; почему боготворит его ищущая правды купеческая вдова Меланья... И в то же время герой И. Горбачева концентрирует в себе эгоизм и эгоцентризм, полное равнодушие к страданиям и болям, судьбам других людей... Когда Елена уходит к заболевшей холерой жене слесаря Егора, Протасов неистово кричит: «Фима! Или нянька!» И столько беспомощности, гнева, раздражения вкладывает герой Горбачева в это слово «нянька», что становится и горько и смешно. Взрослый, образованный, полный сил и энергии человек просит полуграмотную старуху няньку оборонить его от действительности.

В ответ на предложение стать управляющим химического завода Протасов отвечает: «Техническая химия меня не интересует»,— он весь поглощен наукой как таковой. И тем не менее отношение к людям и образ мыслей Протасова, все его поведение, как они передаются И. Горбачевым, заставляют нас вспомнить персонажей некоторых современных пьес: наиубежденнейших технократов, породивших острую дискуссию и в драматургии и на сцене. Одни авторы и театры видят в них героев наших дней, другие, отмечая их талантливость, раскрывают несостоятельность нравственную.

Необычайно трепетна Лиза в исполнении Л. Чурсиной, дебютировавшей в этой роли на сцене Театра имени Пушкина. Выразительна пластика актрисы — ее широко распахнутые руки, ее звенящий, словно надломленный голос... Актриса вовсе не подчеркивает болезнь своей героини, напротив, ее Лиза стремится к солнцу, свету, радости. Болезнь всегда внутри нее как результат душевного потрясения, пережитого во время расстрела демонстрации полицейскими, но героиня Л. Чурсиной страстно хочет найти свое место среди тех, кто, как ей кажется, способен перестроить жизнь на началах разума и добра. Поэтому и понятно, что гибель любящего ее Чепурного, невольной причиной которой она стала, потрясает ее и приводит к безумию... Последнее, что мы видим на сцене, погруженной в полутьму, одинокую, хрупкую фигурку Лизы на лесенке, ведущей на антресоли.

Тему человеческого, женского достоинства раскрывает в Елене Г. Карелина. Есть в этой женщине мудрая сила, спокойствие разума, прирожденное благородство. Ни обидное невнимание мужа, ни излишне повышенное внимание его друга — художника Вагина — ничто, кажется, не может нарушить внутреннее равновесие Елены — Карелиной. Актриса ясно дает нам ощутить перспективу роли: из многих дорог жизни ее героиня выбирает настоящую — дорогу служения людям.

Очень свежо сыгран Чепурной А. Волгиным. Много пришлось видеть мне постановок этой горьковской пьесы, но впервые на спектакле пушкинцев ощутил я, что гибель Чепурного — это не следствие сиюминутного потрясения. Человек очень глубокий, скрытный, Чепурной — Волгин давно решил для себя, что без Лизы ему не жить! И когда в конце первого акта, еще не потеряв окончательно надежду на ответное чувство Лизы, Чепурной уходит из дома Протасовых, актер неожиданно открывает в его словах: «Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же» — тайный, трагический их смысл: **пока** еще ворочусь.

В спектакле есть некоторые режиссерские излишества. Скажем, тот же Чепурной, когда он слышит от Елены, что Лиза не смеялась над его предложением, а восприняла его «с такой тихой радостью», эксцентрически прыгает вдруг на шею слесарю Роману, хотя нелегкая эта выходка вовсе не в характере Чепурного — Волгина. Думаю, что горничная Фима тоже не станет плясать перед Еленой «сударыню-барыню», сообщая ей о своем уходе: холопка, торгаш по натуре, Фима и в данной ситуации не посмеет куражиться над Еленой. Явно излишне сгущены комедийные краски в образе Меланьи (Р. Балашова). Ее поведение постоянно вызывает хохот в зрительном зале. Вряд ли правомерен однолинейный подход к этому образу. Преклонение Меланьи перед Протасовым, который представляется ей героем, жрецом, заставляет вспомнить о поэтичнейшей Надежде Монаховой из «Варваров». Конечно, знак равенства между этими образами неуместен. Но есть все основания рассматривать Меланью как своеобразную предтечу Монаховой.

Впрочем, недостатки в этом глубоком, тщательно продуманном и поставленном спектакле — лишь частность; исполнение же основных ролей подкрепляется отличным актерским ансамблем, и в первую очередь работами А. Киреева (Яков Трошин), Л. Штыкан (Антоновна), В. Вельяминова (Авдотья), Г. Колосова (Назар Авдеевич)... Роли эти все эпизодические, но каждая отделана до мельчайших деталей, в каждой раскрывается человеческая судьба.

В отличие от Протасова герой спектакля «Приглашение к жизни» Вихров, крупнейший ученый-лесовод, не отгораживается от действительности и людей, а живет и работает ради них. В одной из леоновских пьес есть такие слова: «Необыкновенное не живет: оно умирает, как всякое уродство. Только самое простое вечно. Другая красота стучится в мир». Вот эту новую красоту, неброскую внешне, но неотразимую своей внутренней значительностью, и олицетворяют в спектакле «Приглашение к жизни» профессор Вихров и его дочка Поля, сыгранные старейшиной театра А. Борисовым и молодой актрисой О. Калмыковой с большой художественной силой.

Перевод многостраничного романа на сценические подмостки — дело всегда трудное и рискованное. В данном случае риск оправдал себя. Спектакль пушкинцев — одно из самых крупных явлений сегодняшней театральной жизни не только Ленинграда, но всей страны. Тема «русского леса» звучит как тема Родины, тема советского патриотизма, вдохновляющего человека на самоотверженные подвиги и свершения.

Значит ли это, что в спектакле (режиссер И. Ольшвангер) все бесспорно, все безупречно? Нет. Прежде всего хочется поспорить с его оформлением (художник М. Китаев). Образ могучего русского леса представлен в спектакле обрубками деревьев; действующие лица развешивают на стволах картинки либо те или иные предметы. Чисто иллюстративно изображен художником подземный ключ, бьющий в оркестровой яме, возле просцениума. Излишне картинна рубка дерева купцом Кнышевым: нет-нет да и поблескивает на солнце алмаз, вграненный в лезвие топора.

СУДЬБА НАР

Савина — В. Панина, Тургенев — Б. Фрейндлих («Элегия»).

Вихров — А. Борисов, Поля — О. Калмыкова («Приглашение к жизни»).
Фото М. Смирина.

Елена — Г. Карелина и Лиза — Л. Чурсина («Дети солнца»).

Протасов — И. Горбачев («Дети солнца»).

Сцена собрания, где одни защищают Вихрова, другие на него нападают, решена режиссурой нечетко, приблизительно: кто с кем спорит, кого здесь защищают — Вихрова или главного его оппонента Грацианского,— понять трудно; ведущий от театра (А. Минин) не лицо, кровно заинтересованное в происходящих событиях, а, так сказать, человек со стороны, лишь докладывающий о происходящих событиях.

Но, как и в «Детях солнца», недостатки здесь — лишь досадная частность по сравнению с тем, что достигнуто театром.

...одная

И этот спектакль тоже силен своим ансамблем, слаженностью, глубокими, содержательными актерскими работами. Истинно народный русский характер создает А. Ефимова, играющая Таисию, сестру Вихрова. Да самое слово «играющая» здесь даже не очень подходит: актриса живет всей полнотой мыслей и чувств своей героини, подкупая неподдельной достоверностью образа. Кряжист, дремуч на вид староста при немцах Золотухин — А. Соколов: ну, кажется, ожила с приходом немецких захватчиков кулацкая душа! Ан нет! Живо и в этом человеке русское патриотическое чувство. Жизнью своей заслоняет Золотухин от немецкого выстрела юную партизанскую разведчицу Полю. Гитлеровский офицер Киттель в исполнении А. Яна корректен, мягок, обходителен, но за этим чувствуется жестокая, злобная сила, способная на любое преступление.

Главный же успех спектакля связан, кроме Поли, наделяемой А. Калмыковой страстностью и упорством в поиске правды, и Вихрова, в котором А. Борисов подчеркивает неуемность и стойкость борца за справедливость, с извечным антиподом Вихрова, профессором Грацианским. И в данном случае образ строится на принципе внутреннего контраста. Кажется, что герой Б. Фрейндлиха исполнен заботы и доброжелательства по отношению к своему научному противнику, хочет предостеречь его от опасностей, будто бы грозящих ему. Истинная же, потребительская, предательская сущность Грацианского открывается актером постепенно, шаг за шагом, и только ближе к финалу этот добропорядочный, респектабельный человек (так и хочется сказать: господин!) открывает наедине сам с собой мелкую, трусливую, пакостную душонку.

Спектакль «Приглашение к жизни» внутренне многопланов. Это одновременно и поединок идей, нравственных начал и поединок ха-

рактеров. Пушкинцы точно улавливают и передают единство этического и эстетического в творчестве Леонида Леонова; для него то, что патриотично, то и красиво и нравственно.

Обратившись к пьесе «Элегия», к истории сугубо личных, интимных взаимоотношений Тургенева и Савиной, театр (режиссер И. Ольшвангер) также стремится к постановке и рассмотрению значительных нравственных коллизий и проблем.

Анализируя сложные взаимоотношения старого писателя, живущего уже много лет вдали от родины, и совсем еще юной актрисы, театр выделяет, как главную, тему человеческого права на счастье.

Спектакль утверждает мысль, что, идя на тот или иной нравственный компромисс — довольствуясь ли жизнью на краешке чужого гнезда, связывая ли свою судьбу с человеком, которому не веришь и которого не уважаешь,— даже крупный талант обкрадывает самого себя. Главное же, театр укрупняет в пьесе тему родины. Именно она, тема эта, выходит в спектакле на первый план. Смотришь спектакль, и все время не покидает тебя ощущение, что ни Савина не смогла сказать Тургеневу самого главного слова — останьтесь, ни он не смог вымолвить: остаюсь... Оба они жили, остро ощущая необходимость услышать эти слова. И оба не смогли, не посмели их произнести... Савина, роль которой очень правдиво, естественно играет В. Панина, воспринимает Тургенева как могучего художника, безраздельно принадлежащего России, ее народу. И. Тургенев, как его толкует и воплощает Б. Фрейндлих, видит в Савиной, так свежо, так необыкновенно полно понявшей истинно народный характер Верочки в его пьесе «Месяц в деревне», актрису, как бы олицетворяющую собой Россию, ее могучую творческую, притягательную силу.

Не все, на мой взгляд, и в этом спектакле бесспорно. И более всего, о чем размышляешь и по мере развития действия и после того, как в последний раз задвинулся занавес: а могли ли бы эти два человека быть вместе?.. Спектакль, скорее всего, отвечает: нет, не могли. Слишком поздней оказалась эта встреча для Тургенева... Но вот тут-то именно и возникает желание спора!.. А может быть, всетаки могли, но не посмели воспротивиться силе инерции, предрассудков, условностей, сковывавшей их сердечные порывы?.. Тогда драма этой так и не состоявшейся любви оказалась бы глубже, острее, сильнее!

Но, как ни хочется поспорить с театром, с режиссурой спектакля в ответе на этот вопрос, актеры покоряют, захватывают своей глубокой эмоциональной силой, правдивой, филигранной передачей тончайших душевных движений героев. И мы словно бы физически ощущаем сердечную боль Савиной — Паниной, когда слышит она голос Полины Виардо, видит, как остро, порывисто реагирует Тургенев на этот голос... И ощущаем также, какой неожиданный удар обрушивается на Тургенева — Фрейндлиха, когда он слышит признание Савиной, что вот уже три года встречается она со Всеволожским... А за частными судьбами, частными взаимоотношениями великих художников открывается нам нечто еще гораздо большее: родина, которой они принадлежат душой и талантом...

Три спектакля, о которых шла речь выше,— это почти весь прошедший сезон Театра имени А. С. Пушкина. Пьесы разные по своей художественной силе и идейному богатству, по тем возможностям, которые они открывают перед режиссурой и актерами. Но театр далек от того, чтобы мириться с недостатками драматургии либо скрываться за нею. В подзаголовке спектакля «Приглашение к жизни» мы читаем: сценическая редакция театра. В подзаголовке «Элегии»: сценический вариант театра. Пушкинцы не только ищут произведений, наиболее близких себе, но и упорно, тщательно работают с авторами, создают свои сценические варианты, дополняя авторов своим творчеством, своими актерскими талантами.

Каждый из трех спектаклей свидетельствует, что минувший сезон Театр имени Пушкина прожил плодотворно, интенсивно. Поиски его увенчиваются серьезным художественным успехом.

ОТКРЫТИЕ ПЛАНЕТЫ

Нашу голубую планету опоясали уже тысячи орбит космических кораблей, но, право, чем больше и внимательнее присматриваешься к ней, тем она становится ближе и, главное, понятнее. Поистине надо побывать в космосе, чтобы почувствовать сполна красоту Земли, оценить великолепие ее изумрудных полей, синих океанов, опоясанных кольцами циклонов, бескрайней тайги, прочерченной нитками рек.

В первые часы после приземления я испытывал странное ощущение, наверное, я был похож на инопланетянина, открывшего вдруг новый мир, бескрайний и прекрасный. Да, радостные мгновения возвращения неповторимы, о них трудно рассказать. Трудно, но возможно. В книге Владимира Щербакова «Красные кони» я нашел точные и поэтичные описания этих мгновений, нашел я в ней и влюбленность в зеленые земные просторы, в леса, разливы рек, дали полей. Не случайно инопланетянин Эрто (рассказ «Крылатое утро») в конце концов остается на нашей планете, так она приглянулась ему.

Впрочем, инопланетян в книге «Красные кони» не так уж много, они появляются, пожалуй, всего в двух-трех рассказах из двадцати трех, составляющих сборник. И совсем непохожи они на «среднестатистических» космических пришельцев, сообразующих свои действия лишь с аксиомами математической логики. Не найти в сборнике Владимира Щербакова и длинных описаний различных аппаратов, пультов управления и тому подобных атрибутов многих и многих фантастических повестей. Это, вероятно, правильное решение. В конкретные описания механизмов будущего всегда вкрадываются неточности, порочащие их идею, сводящие на нет усилия автора-фантаста. В худшем случае описания такого рода просто вредны, так как дезориентируют читателя, увлекающегося техникой.

У фантастики должны быть иные методы и пути к сердцу и уму читателей, особенно юных. Воспитание космического мироощущения и в то же время горячей любви к родной земле, к нашей замечательной стране; раскрытие перед взором современника горизонтов науки, глубоких и красивых идей, управляющих развитием мысли,— таковы, видимо, главные задачи научно-фантастической литературы.

Чрезвычайно важно, на мой взгляд, что ни в одном из рассказов книги В. Щербакова, относящихся к прошлому, реальные события не препарируются вопреки объективности, и в то же время в них находится место для подлинной фантастики, для подлинной мечты. Создается впечатление, что даже описания немногих иных планет, галактических маршрутов и всевозможных фантастических метаморфоз нужны автору лишь для того, чтобы подметить, найти новые черты реального, земного мира, чтобы показать его и глазами космонавта и глазами жителя другой планеты. Мир реальный и мир сказочный не только сосуществуют, но и переходят незаметно друг в друга, сливаются и разъединяются, и оба оказываются обрисованными вполне четко и конкретно.

Много говорится и пишется о том, что в век космических полетов фантастика якобы утрачивает свое значение, отступает и даже деградирует. Мне кажется, это неверно. Фантастика не теряет своего значения, она лишь изменяется. Мечту нельзя уничтожить.

Владимир Щербаков. Красные кони. М., «Молодая гвардия», 1976, 304 стр.

В. СЕВАСТЬЯНОВ,
летчик-космонавт СССР

ГОРИЗОНТЫ БУДУЩЕГО

Новое произведение автора известных научно-фантастических книг Владимира Немцова «Когда приближаются дали...» названо «романом о реальной мечте». Действительно, герои романа занимаются решением технических задач не столь уж далекого будущего. Однако писателя интересуют не только сами научные достижения, Вл. Немцов рассказывает прежде всего о людях, совершающих открытия. Ведь любая техника мертва без работающего с ней человека, и нужно уметь видеть в людях, считает автор, «хозяев» и «временно прописанных», то есть одержимых мечтой и препятствующих ей.

Талантливый инженер и ученый Александр Васильев разрабатывает новую технику, позволяющую в считанные минуты создавать целые поселки — для этой цели он сконструировал «стройкомбайн». Но материал, из которого создаются стройкомбайном дома, дороги, а его изобретатель Литовцев не желает работать над новым вариантом «лидарита». На первом плане в поведении и поступках Литовцева стоит собственная выгода, ради которой он готов идти и на фальсификацию результатов эксперимента и на подлость.

Перенося основной конфликт романа из сферы фантастико-производственной в сферу нравственную, писатель показывает, что существует еще немало помех, стоящих на пути прогресса, и что помехи эти далеко не всегда легкоустранимы.

С первых же страниц романа В. Немцов погружает читателя в атмосферу приключений, правда, не таких фантастических, как, например, в предыдущих своих произведениях — «Семь цветов радуги», «Альтаир», «Осколок солнца», «Последний полустанок», хотя герой этих книг, Багрецов, действует и в романе «Когда приближаются дали...».

В новой книге писатель доказывает, что лишь в реальной действительности заложен фундамент будущего, создавать которое доведется таким людям, как Васильев — ему адресует Немцов заключительные слова романа: «Мечта уже давно выкристаллизовалась в сознании изобретателя. Есть расчеты и проекты. Но мы-то с вами знаем, сколько тяжелых испытаний может претерпеть творец, пока рукой прикоснется к мечте».

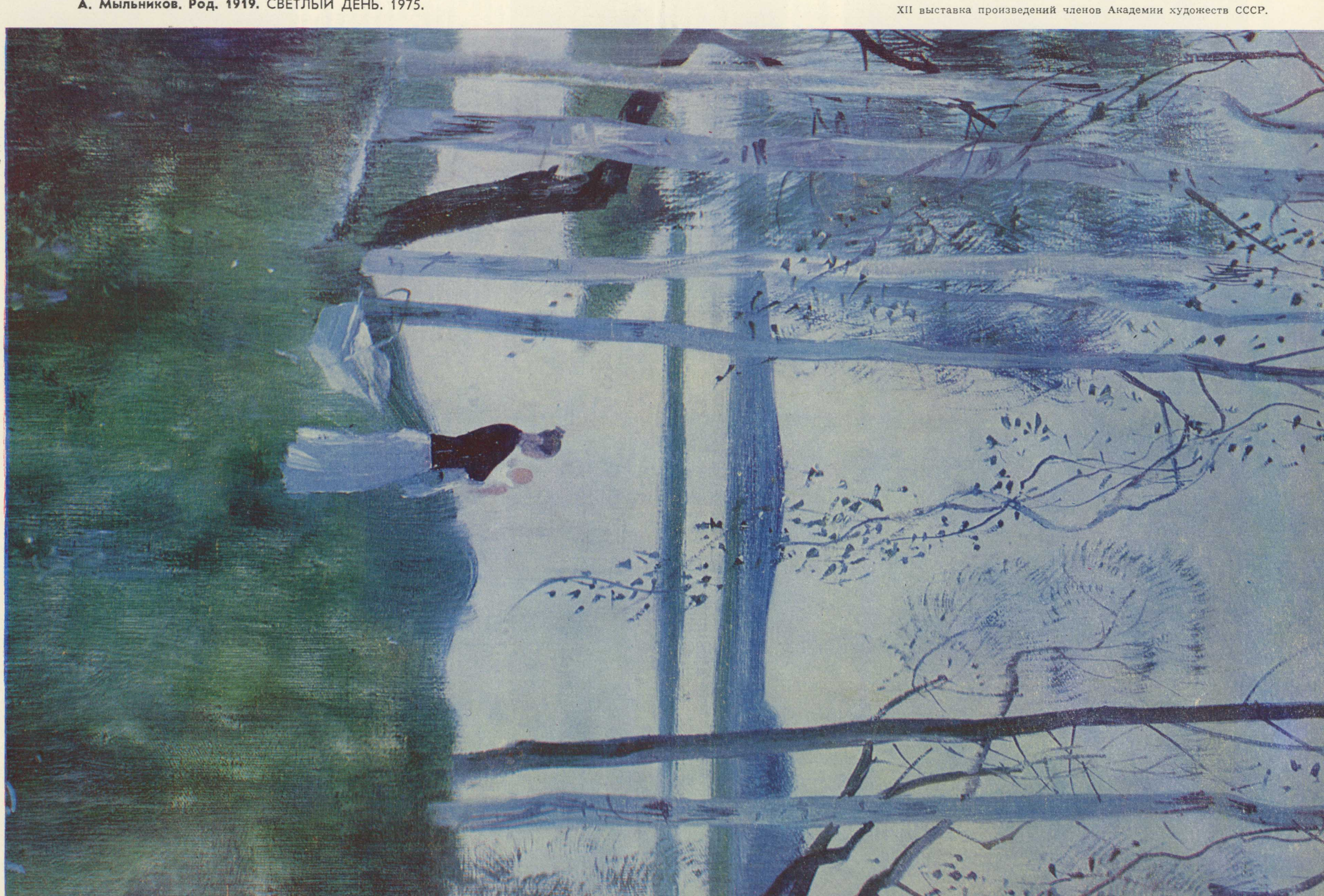

Владимир Немцов. Когда приближаются дали... М., «Советский писатель», 1975, 256 стр.

Николай **НИКИШИН**

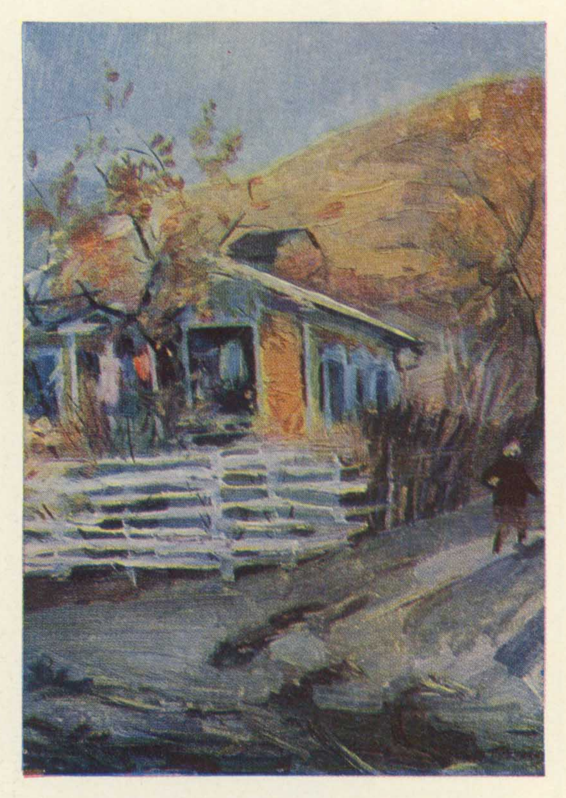
А. Мыльников. Род. 1919. СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ. 1975.

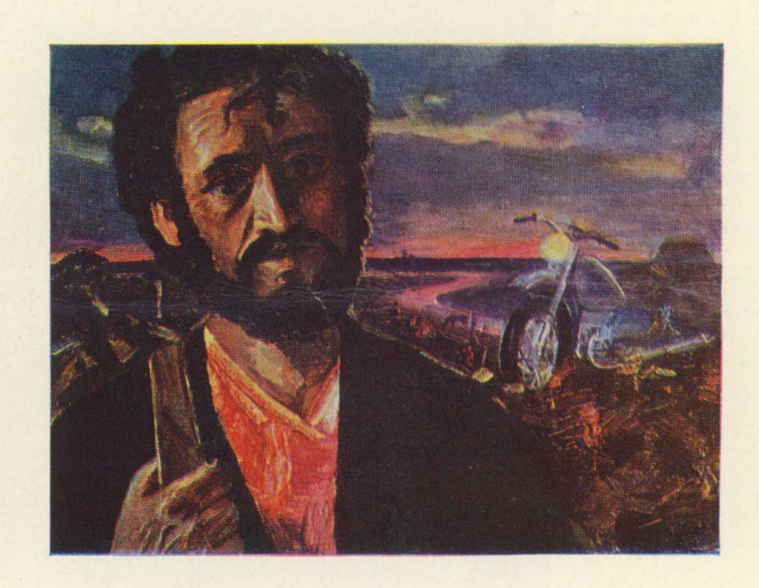

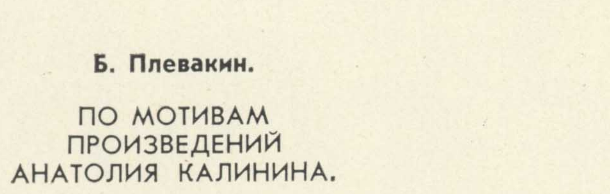
ЦЫГАНКА НАСТЯ

КУРЕНЬ АНТОНИНЫ ДУДНИКОВОЙ

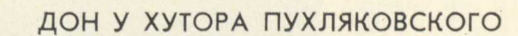

БУДУЛАЙ

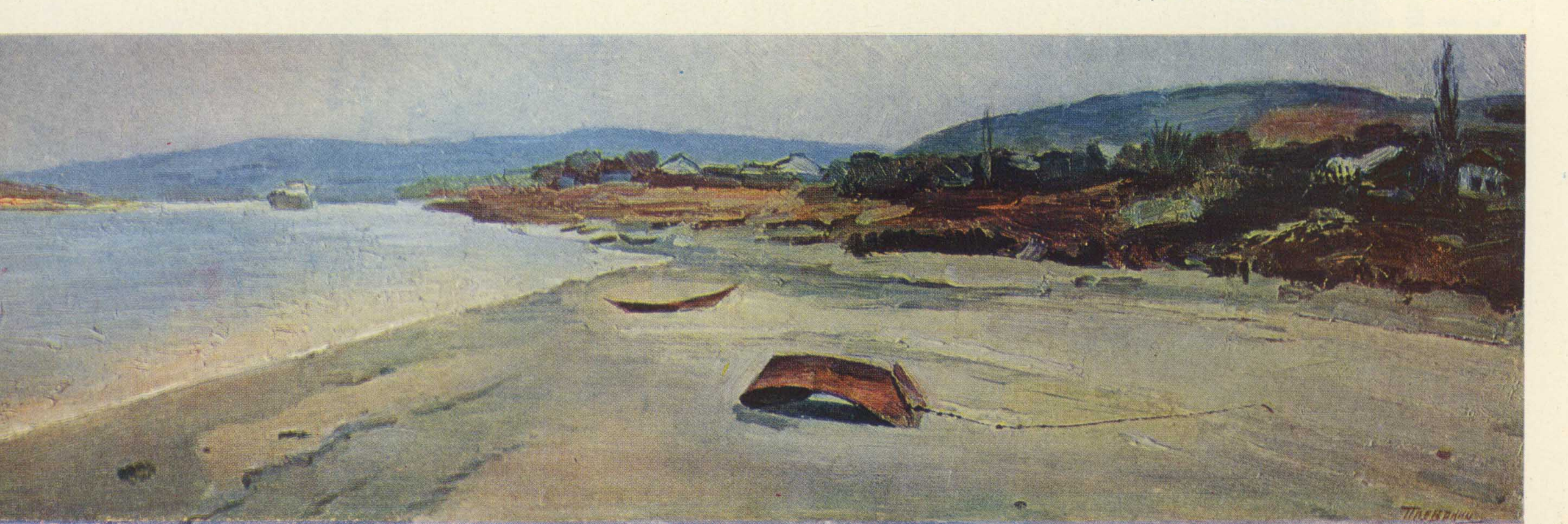

Б. Плевакин.

ПО МОТИВАМ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
АНАТОЛИЯ КАЛИНИНА.

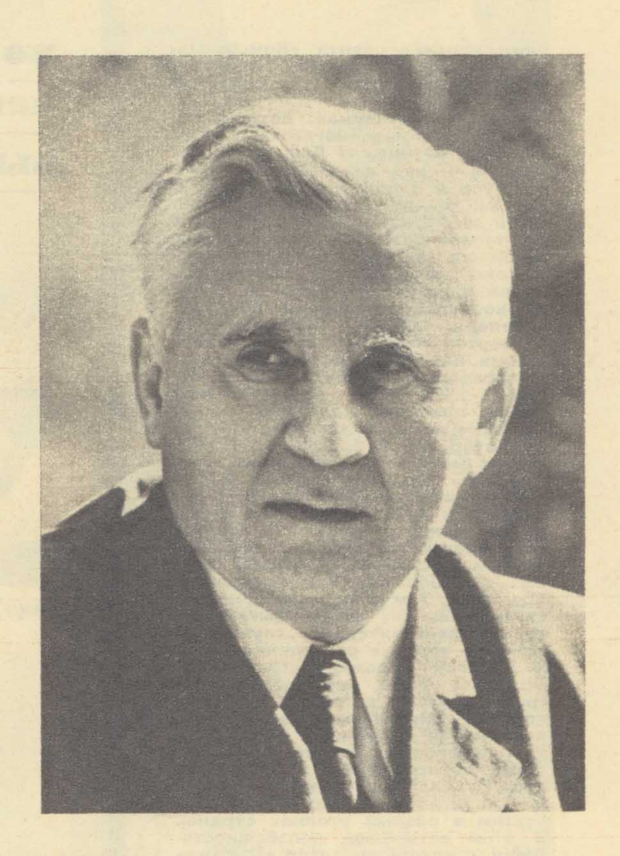

ДОН У ХУТОРА ПУХЛЯКОВСКОГО

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. КАЛИНИНА

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ГЕРОИ

Наталья ШИШКИНА

В тот вечер минувшей зимы к новому Дому культуры в хуторе Пухляковском то и дело подъезжали автобусы и легковые автомашины с гостями из соседних станиц и хуторов. И местные жители тянулись к Дому культуры со всех холмов, на которых раскинулся этот казачий хутор. Спешили на встречу с цыганом Будулаем, который несколько лет назад ушел из правобережного донского хутора, а теперь опять вернулся сюда, но уже в спектакле Шахтинского театра имени Погодина, поставленном заслуженным артистом РСФСР Э. Соловяном по книге писателя Анатолия Калинина «Цыган».

Помню, как здесь же, в хуторе Пухляковском и его окрестностях, до этого проходили съемки кинофильма «Цыган». Известный актер Евгений Матвеев дебютировал в нем как режиссер и сыграл центральную роль Будулая. Тогда еще стояла на взгорье в Пухляковском цыганская кузница. Да, лет тому двадцать здесь кузнечил не какой-нибудь «литературный», а самый доподлинный, реальный цыган Иван Васильевич Андреев. Жену его звали Галей, и был у него младший брат Будулай. Хуторяне помнят его красную рубашку, мелькавшую под коренастыми прибрежными вербами. Но был этот Будулай еще совсем юный. А в книге Анатолия Калинина цыган Будулай уже прошел дорогами войны, она отняла у него любимого человека — жену, и могилу ее он нашел в хуторе Вербном, на бугре по-над Доном. Правда, читавшие потом «Цыгана» пухляковцы утверждали, что Вербный — это и есть хутор Пухляковский. И, сравнивая двух Будулаев, они говорили: «Нет, в книге Будулай больше похож на Ивана Васильевича Андреева, старшего из братьев-цыган».

Вот уж полтора десятка лет я знаю хутор Пухляковский, где был написан «Цыган». Старой кузницы теперь нет. Но молодой художник Борис Плевакин, который недавно приехал из Новочеркасска писать свой цикл картин, навеянных книгой Калинина «Цыган», все же нашел ее в станице Раздорской, где в колхозе кузнецом работал тоже цыган, Карамзин. Теперь он на пенсии. Когда снимался «Цыган», режиссер Е. Матвеев отыскал его и пригласил сниматься. Я была на съемках и особенно запомнила, как приглашенные артистами в массовые сцены местные цыгане горячо заспорили между собой, где же была могила несчастной жены Будулая, задавленной немецким танком. Мне-то хорошо было известно, что здесь, у хутора Пухляковского, могилы нет. Но можно ли было переубедить цыган, уверенных и, конечно же, лучше других знающих, что все это не придумано писателем, что все это истинная правда. Попробуйте теперь убедить кого-нибудь из местных жителей да и приезжих гостей, когда они смотрят в небольшой хуторской картинной галерее этюд художника Б. Плевакина «Кузница Будулая», что это совсем не та кузня, которая некогда стояла в хуторе на взгорье, и даже не та, в которой калининский Будулай вместе с сыном Ваней выковал оградку для могилы своей жены. Я и сама смотрю на этюд художника и твердо говорю себе: «Та».

За полтора десятка лет я узнала и этот донской хутор и его людей и вместе с ними искренне верю, что они еще не раз встретятся с Будулаем. Да разве только с ним! Встретились же они недавно и с Антониной Кашириной, которая «покинула» этот хутор вместе с рукописью повести «Возврата нет», отправленной писателем в редакцию «Огонька», и вернулась сюда, да и не только сюда, в одноименном кинофильме, поставленном кинорежиссером Алексеем Салтыковым. И на съемках этого фильма в станице Раздорской видела я, как небольшого роста, смуглая казачка по целым дням не уходила со съемочной площадки, нервничала и суетилась, горячо подсказывая режиссеру и артистам: «Я же лично знала ту женщину, какая теперь стала Антониной Кашириной, она не такие платья носила и не такие пела песни». Уж очень беспокоилась эта раздорская казачка, чтобы и в кино все было «в точности», как оно было на самом деле. Писатель ведь только взял это из станичной жизни и «срисовал»...

Анатолий Вениаминович, когда я рассказываю ему об этом эпизоде, прерывает меня словами: «Над вымыслом слезами обольюсь». Я протестую, допытываясь у него: «А как же быть с историей Варвары Табунщиковой из повести «Эхо войны»? Ведь мне показывали дом, в котором произошла история, подобная описанной вами в повести». Калинин отвечает вопросом на вопрос: «А как же быть автору с письмами читателей со Станиславщины, из Прибалтики и других краев, в которых утверждается, что такие же истории происходили в их местах?»

Минувшим летом я видела в Москве афиши: «Четырехсотый спектакль «Цыган» в театре «Ромэн». А за несколько лет до этого смотрела в студии киноактера спектакль по роману А. Калинина «Суровое поле» с участием Нонны Мордюковой, Клары Лучко, Лидии Смирновой. У Нонны Викторовны Мордюковой с каждым новым возвращением к героиням калининских произведений углубляется постижение образа русской женщины. От Дарьи Сошниковой из спектакля «Суровое поле» она переходит к Антонине Кашириной в фильме «Возврата нет» и после этого заявляет в интервью корреспонденту «Литературной газеты» о своей мечте сыграть в кино роль антипода Антонины, зловещей Варвары Табунщиковой из повести Калинина «Эхо войны».

Калинин с улыбкой вспоминает: «Когда в тридцатых годах я работал в кубанской станице Отрадной, в редакции районной газеты «Красное знамя», я и не предполагал, что у отрадненской знаменитой колхозницы, а потом и председателя колхоза Мордюковой подрастает дочь, которая сыграет председателя колхоза в фильме «Возврата нет».

Это, конечно, счастливое совпадение, но отчего же такие совпадения случаются с героями произведений Анатолия Калинина так часто? Почему, как мне рассказывал Евгений Семенович Матвеев, он до тех пор не мог «переболеть» Будулаем, пока не сыграл в кинофильме роль Будулая? Почему и другой известный артист, Н. С. Правоторов, не только сам захотел инсценировать «Цыгана» в Ростовском театре, но и тоже взял себе роль Будулая? До этого он приезжал в хутор Пухляковский и ходил по его извилистым улочкам, узнавая в них улицы и переулки придуманного писателем хутора Вербного. Придуманного ли? Кто из читателей произведений Калинина в это поверит, если только отсюда, пусть и не из хутора Вербного, а из хутора Пухляковского, могли шагнуть на страницы «Сурового поля», «Эха войны», «Возврата нет», «Гремите, колокола!», «Цыгана» и Дарья Сошникова, и Варвара Табунщикова, и Антонина Каширина, и Наташа Луговая, и цыган Будулай. Ныне они известны миллионам читателей «Огонька», «Роман-газеты», многочисленных советских и зарубежных изданий повестей и романов Калинина.

Десятки миллионов кинозрителей уже посмотрели фильмы «Цыган», «Возврата нет», в десятках театров страны многие годы не сходят со сцены инсценировки «Цыгана», принадлежащие перу самых разных авторов — Правоторова, Рыжовой, Ром-Лебедева и других драматургов, в Ворошиловградском театре поставлена драма «Эхо войны», во Владивостоке — «Суровое поле». Где причины такой тяги режиссеров и актеров к литературным героям Калинина, неугасающего интереса к ним читателей? — попробуйте купить его книги, хотя они издавались и издаются массовыми тиражами. Не в простом же узнавании читателями и зрителями себя и сличении черт и особенностей своей жизни с жизнью калининских героев. Сам писатель настаивает:

— Литературные герои не двойники так называемых прототипов, все это гораздо сложнее. Но и не могу сказать, что все придумано. Не зная тех людей, вместе с которыми живу в хуторе Пухляковском уже тридцать лет, и строчки не смог бы написать. Сколько раз уже было: что-то копошится в тебе, беспокоит, накапливается, будит по ночам, и вдруг приходит человек со своей историей, и оказывается, что ее-то и не хватало, чтобы все осветилось. Так было и с повестями «Эхо войны» и «Возврата нет».

Судьба «Цыгана» несколько иная. Я ведь и не знал, что коротная повесть потом станет всего лишь первой частью романа. Написав повесть, работал над другими вещами, но Будулай не отступал, звал за собой, обещая познакомить и с другими людьми. Не пустившись в поиски Будулая, не нашел бы я и Настю, Шелоро...

— А полковника Привалова?

— Его я «нашел» давно. Впервые встретился с ним на фронте, когда бывал в Пятом донском казачьем корпусе в качестве воен-

ного корреспондента «Комсомольской правды». Никифор Иванович был там заместителем комкора по политчасти. Вот его я, что называется, не придумал. Встречаюсь и теперь с ним, когда он приезжает на родину, на Дон, из Кисловодска. Перед казаками донского корпуса я в долгу, и долг этот с годами растет. Без них не узнал бы я войну изнутри, как не узнал бы теперь без моих пухляковских земляков все то, что критики называют деревенской жизнью. В своем романе «На юге» я лишь прикоснулся к донскому корпусу.

Теперь, после опубликования четвертой части «Цыгана», завершения пятнадцатилетней, пусть и с перерывами, работы над романом, хуторские письмоносицы опять приносят Калинину пачки писем: «Где же Будулай?», «Неужели автор так и бросит его?», «Не может быть, чтобы потерялся след Будулая». Один читатель с Алтая так и написал: «Найти его и доставить в хутор Вербный с милицией». Даже и полковник Привалов, фронтовой друг писателя Калинина, настаивает в письме, чтобы он обязательно продолжил «Цыгана». Тем более, что отыскался наконец тот самый цыган, который действительно служил в донском корпусе разведчиком, как и Будулай в романе «Цыган». И Привалов даже присылает фотографию этого ветерана донского корпуса. «Нет, продолжение Будулая уже за границами романа»,— твердо говорит писатель.

Все возвращается и возвращается Будулай и к своим землякам, и к читателям, и к зрителям, живущим в разных уголках страны. В этом есть своя неизбежность. Люди, с которыми автор «Цыгана» живет сердце к сердцу уже тридцать лет, дыша и волнуясь всем тем, чем дышат и волнуются они, и дали эту силу, это долголетие его литературным героям: «Без них я не смог бы написать ни строчки...» От этого, с неброской, но притягивающей к себе красотой берега, герои произведений Калинина отчалили и к этому же берегу возвращаются.

Но и не ожидая возвращения своих литературных героев, писатель сам отправляется в поиски их, вслед за ними. В 1953 году внимание миллионов читателей «Правды» привлек образ секретаря райкома Еремина в очерке Анатолия Калинина «На среднем уровне». Потом, укрупнившись, он перекочевал на страницы его же очерковой повести «Лунные ночи», романа «Суровое поле». Настаивая на том, что писатель не списывает, не фотографирует, Калинин в то же время говорит, что без Льва Борисовича Ермина, который здесь долго работал секретарем райкома партии, он не смог бы написать своего секретаря райкома Ивана Дмитриевича Еремина. Так не в поисках ли уехавшего «вместе» с Ерминым героя писатель каждый год отправляется с берегов Дона на берега Суры, где его старый друг, бывший секретарь райкома, вот уже пятнадцать лет работает секретарем обкома? В этот свой приезд в Пухляковский я собралась расспросить о нем Анатолия Вениаминовича подробнее, но...

К воротам его дома подъехала машина. Из нее вышел секретарь Усть-Донецкого райкома партии Александр Александрович Акишев. Первыми его словами были:

— Вчера отсеялись.

И мне уже нельзя было им мешать. Теперь они, секретарь райкома А. А. Акишев и депутат Верховного Совета РСФСР А. В. Калинин, надолго засидятся за разговором под крышей этого, казачьей постройки, дома на приречном суглинистом яру, к которому подступает в годы половодья вода. Помните, в повести «Возврата нет»: «С какого бы места ни взглянуть, отовсюду можно увидеть этот яр с его суглинистой красной грудью».

по следам наших выступлений

ПОБЕДА НАД БОЛЬЮ

Каждый день в нашей стране рождается до одиннадцати тысяч детей. Одиннадцать тысяч женщин становятся матерями ежедневно! И почти над каждой из них нависает дамоклов меч боли. Шесть, семь, восемь часов страданий. Их может облегчить химический наркоз, но полностью исключить боль он не в состоянии. И потом его применение нередко совершенно недопустимо. Что делать тогда? Оставить женщину один на один с болью — изнуряющей, уносящей драгоценные силы и кислород, столь необходимый в момент родов ребенку?

Спасение принесло электричество. Разработанный в 1970 году врачом Э. М. Каструбиным и инженером В. М. Ножниковым оригинальный аппарат «Электронаркон» с помощью импульсных токов способен обезболивать роды даже в самых тяжелых случаях.

Об этом аппарате и о новом методе обезболивания — электроанальгезии — шла речь в статье «...Нечто такое, что обойдет весь мир!», опубликованной в № 12 журнала «Огонек» за 1973 год. В ней же высказывалось предположение, что электроанальгезия таит в себе гораздо больше возможностей, чем используется в акушерской клинике.

Было это три с лишним года назад. Тогда мало кто верил в широкие возможности нового метода. Сегодня ситуация изменилась.

Редакция журнала обратилась к видным специалистам, которые занимались разработкой и внедрением новой аппаратуры в практику, с просьбой рассказать, какое место занимает электроанальгезия в современной медицине.

•

Говорит директор Всесоюзного НИИ акушерства и гинекологии Минздрава СССР академик АМН СССР Леонид Семенович ПЕРСИАНИНОВ:

— Когда в начале 1973 года «Огонек» опубликовал восторженную статью об электроанальгезии, многие недоумевали. Еще бы! Ведь тогда о ней знали далеко не все. А те, кто знал, в большинстве своем относились к ней с недоверием. Но время шло, и вскоре жизнь все расставила по своим местам.

В нашем институте новый метод применяется в общей сложности уже пять лет. С его помощью более четырехсот женщин, страдающих различными нарушениями родовой деятельности, благополучно произвели на свет здоровых детей.

Электроанальгезия уже перестала быть достоянием лишь советской медицины. К нам все чаще обращаются зарубежные врачи с просьбой поделиться опытом, помочь в подготовке специалистов. Наши статьи о новом методе перепечатывают иностранные журналы. Министерство здравоохранения СССР заключает договоры о сотрудничестве в этой области с институтами других стран. Недавно, например, были подписаны договоры с Пражским институтом матери и ребенка, с Софийским институтом акушерства и гинекологии. Так что без преувеличения можно сказать, что сегодня электроанальгезия получает все большее распространение.

Причин этому множество. Главная, пожалуй, в том, что импульсные токи совершенно безвредны, ими может пользоваться любая роженица, если роды приносят ей страдания. Никому и никогда не удавалось обнаружить, что электронаркоз оказывает вредное действие на мозг, на весь организм. Этого нельзя сказать о наркозе химическом. Иногда он бывает опаснее самой операции.

Особенно эффективна электроанальгезия при операции кесарева сечения, когда обычный химический наркоз не годится. Он плохо влияет на плод, на роженицу, на сократительную деятельность. Подавляющее большинство новорожденных «кесарят», появившихся на свет с помощью импульсного тока, гораздо быстрее адаптировались к окружающей среде, чем дети, перенесшие при такой же операции обычную анестезию.

Иногда мы сталкиваемся с такими случаями, когда применение химического наркоза может просто погубить плод. И вот тогда невольно думаешь: как же всего несколько лет назад мы могли обходиться без электроанальгезии?

Еще одно неоценимое преимущество импульсных токов состоит в том, что они позволяют роженице не отключаться полностью от родов, а сознательно в них участвовать. Женщина находится как бы в полусне. Она рожает спокойно, не кричит, не теряет контроля над собой. С ней можно поддерживать контакт. Она ощущает прикосновения, понимает то, что требует от нее врач. У нее полностью сохранены рефлексы и напряжены мышцы. Но боли она не чувствует. И в таком состоянии ее можно удерживать неограниченное время — столько, сколько требуют роды.

Как оказалось, электроанальгезия умиротворяюще действует на роженицу — нормализует сердечный ритм, дыхание, артериальное давление. Роды проходят намного быстрее, и новорожденный чувствует себя лучше.

Но применение импульсных токов не ограничивается родильным отделением. Исследования, проведенные в нашем институте, показали, что метод может быть использован значительно шире — его применяют для лечения сложнейших гинекологических заболеваний, патологического климакса, различных нарушений эндокринной системы. За 8—10 сеансов электроанальгезии удается излечить эти болезни.

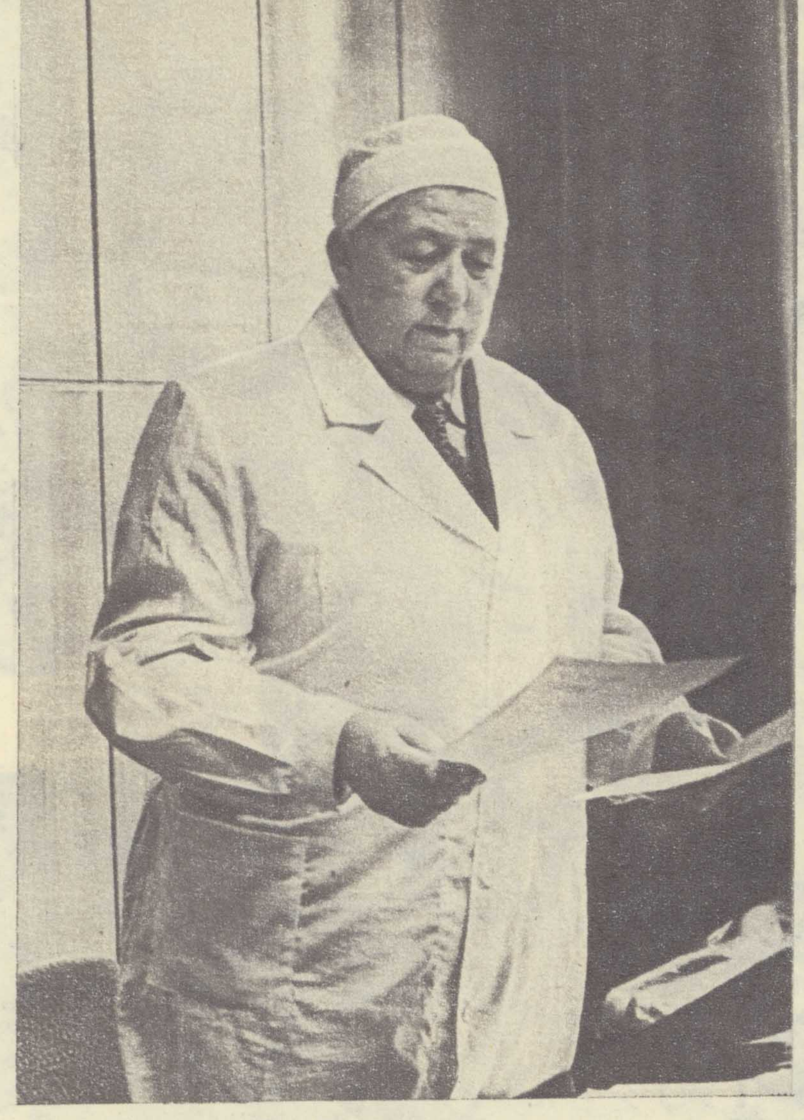
И, наконец, импульсные токи используются нами для обезболивания при сложных гинекологических операциях. Для этого создан комбинированный электронаркоз — лучший из всех ныне известных.

Так что нет ничего удивительного в том, что электроанальгезия находит все более широкое распространение. Ее применяют в клиниках и родильных домах Москвы, Белоруссии, Грузии, Казахстана. Ведутся дальнейшие научные исследования. По этой теме защищено уже 8 кандидатских диссертаций. Э. М. Каструбину совсем недавно присвоена докторская степень.

Как видите, дело пошло, проблема состоит теперь лишь в том, чтобы наладить производство аппаратов «Электронаркон». Их, к сожалению, пока очень мало.

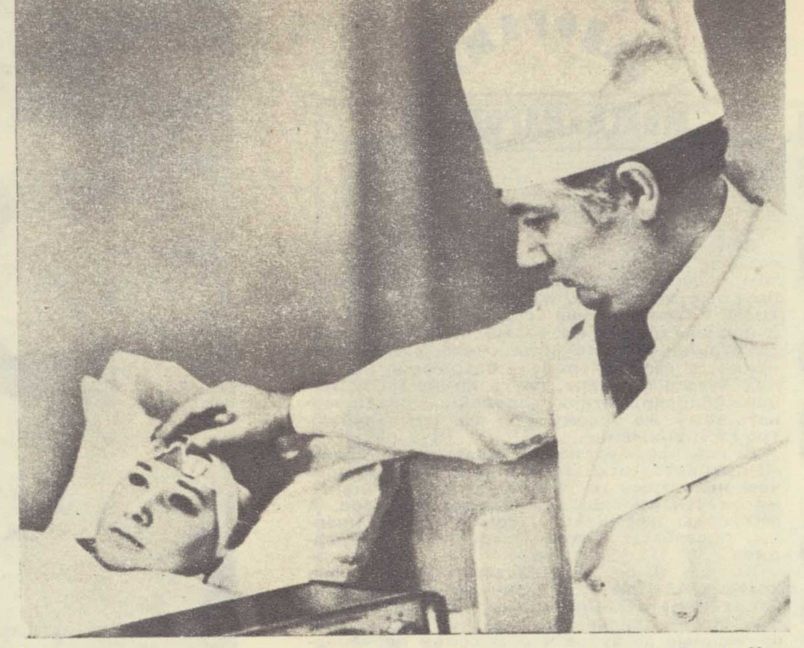
Руководитель лаборатории клинической физиологии Московского областного НИИ акушерства и гинекологии (МОНИИАГ), доктор медицинских наук Э. М. КАСТРУБИН:

— Изучением воздействия импульсных токов на центральную нервную систему в нашем инсти-

Академик АМН СССР Л. С. Персианинов.

Фото А. Бочинина и Д. Кричевского

Электроанальгезию проводит доктор медицинских наук Э. М. Каструбин.

Директор Московского областного НИИ акушерства и гинекологии В. И. Кулаков и старший научный сотрудник Д. А. Шехонина обсуждают результаты исследований.

туте мы занимаемся с 1968 года. Цель исследований — найти возможность регуляции различных функциональных систем организма.

Надо сказать, вначале задача была более узкой — мы в основном предполагали проводить обезболивание родов и найти замену традиционным фармакологическим средствам.

Я очень рад, что вся наша работа не пошла только в этом направлении, а позволила выяснить, что мы можем управлять процессом родов, проводить профилактику осложнений у матери и плода, вскрыть механизмы электроанальгезии.

Что же касается обезболивания схваток при родах, то этим вопросом в будущем сможет заниматься средний медицинский персонал. Для этого мы с сотрудником ЦНИИ связи В. М. Ножниковым уже разработали специальный портативный аппарат, который называется «Ева».

Использовать импульсные токи при подготовке беременных к родам я предложил в 1969 году. До этого существовала разработанная советскими учеными система психопрофилактики и физиопсихопрофилактики, позволяющая на специальных занятиях повысить адаптационные возможности здоровых беременных. Новый метод подготовки позволил с помощью лечебного электронаркоза увеличить эффективность такой подготовки и проводить ее у женщин с токсикозами, когда повышенное артериальное давление, отеки могут быть причиной серьезных осложнений у матери и ребенка, вызвать неблагоприятное течение родов. Электроанальгезия как метод подготовки позволила создать оптимальные условия для развития плода, предотвратить переход токсикоза в тяжелую форму, избежать затяжных родов.

С 1970 года эта работа проходит под руководством академика АМН СССР Л. С. Персианинова. Исследования продолжаются в нашей лаборатории до сих пор. Фундаментальные исследования сотрудников Всесоюзного НИИ акушерства и гинекологии позволили получить интереснейшие сведения о благоприятном влиянии электроанальгезии на состояние плода, на его дыхательную функцию, на состояние газообмена у матери и т. д.

Уже сегодня мы рекомендуем электроанальгезию в комплексе с другими мероприятиями для ведения беременности и родов у женщин с заболеваниями органов дыхания и сердечно-сосудистой системы. Как видите, помимо обезболивающего эффекта, импульсные токи явились новой возможностью для осуществления регуляции жизненно важных систем организма.

Сотрудница лаборатории клинической физиологии МОНИИАГ кандидат медицинских наук Д. А. ШЕХОНИНА:

— Совсем недавно мы впервые стали применять электроанальгезию при подготовке и проведении родов у женщин, страдающих такими заболеваниями, как бронхиальная астма или хроническая пневмония. Почему метод электронаркоза в этих случаях особенно эффективен? Потому что обычный, медикаментозный, наркоз при этом может приводить к осложнениям, ухудшать состояние женщины, и роды проходят тяжелее. А электроанальгезия не только не дает этих осложнений, но и намного облегчает роды.

Вот совсем свежий пример. Женщине 21 год. Уже десять лет у нее хроническая пневмония. Нарушена бронхиальная проходимость, снабжение кислородом организма матери и плода недостаточное. Значит, условия для развития плода тяжелые. Применять в этом случае медикаментозный наркоз опасно, потому что он может ухудшить поступление кислорода к плоду. За две недели до родов больной провели четыре сеанса электроанальгезии. После первого же был виден эффект. Улучшилась бронхиальная проходимость, насыщение крови кислородом. Роды у нее прошли успешно, без каких-либо осложнений.

Директор МОНИИАГ кандидат медицинских наук В. И. КУЛАКОВ:

— Электроанальгезия как метод обезболивания родов и подготовки к ним находит все большее признание. Его уже используют в московских родильных домах № 6 и 27, в Люберцах, в Клину, в Солнечногорске.

Значительный клинический опыт позволил Минздраву РСФСР, Государственному комитету по науке и технике Совета Министров СССР обратить особое внимание на развитие исследований по изучению метода электроанальгезии. Лаборатории клинической физиологии нашего института выделены специальные штаты сотрудников и аппаратура для изучения возможностей регуляции функциональных систем организма в процессе беременности и во время родов.

Но применение электроанальгезии, на мой взгляд, может и должно быть намного шире.

Сегодня, когда на человека обрушивается гигантский поток информации, ритм жизни все убыстряется, резко увеличиваются интеллектуальные и эмоциональные нагрузки, он все чаще подвергается воздействию различных неврозов, нервных перенапряжений, стрессов. Учащаются функциональные расстройства нервной системы, связанные с перенапряжением. И здесь, в деле профилактики этих заболеваний, мы видим неограниченные возможности импульсных токов. Важно лишь вовремя вмешаться, и тогда болезнь неминуемо отступит.

А если посмотреть на проблему шире, то можно сказать, что с электроанальгезии следует начинать профилактику многих болезней, опять же по причине того, что это самый безобидный и безопасный метод не только для лечения, но и для предупреждения ряда заболеваний. Именно поэтому он кажется нам столь перспективным.

Надеюсь, что исследования сотрудников Всесоюзного и нашего, областного, институтов акушерства и гинекологии сделают электроанальгезию достоянием многих направлений клинической медицины.

Беседу записал Сергей ВЛАСОВ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

КРАХ НЕМИНУЕМ

В центральной части Родезии, на плоскогорьях, отличающихся умеренным климатом, сосредоточены фермы европейцев, крупные хозяйства, дающие рекордные доходы. Однако доходы создает не только плодородная земля, но также нещадная эксплуатация черного населения. Удел африканца в своей стране — батрачить на полях белого фермера, гнуть спину на образцовых предприятиях европейца, прислуживать тому же белому и за все это получать гроши и унижение.

Белым фермерам принадлежит в целом 45 процентов всей территории страны, причем некоторые из них обладают земельными участками свыше миллиона гектаров. А миллионы африканцев, согнанных в низины, прозябают в перенаселенных резервациях.

Но все неуютнее чувствуют себя белые хозяева в своих образцовых хозяйствах. Страх и неуверенность царят в красивых поместьях, скорее похожих на форты. Вооруженные до зубов члены семьи поочередно дежурят на ферме, чтобы в случае появления партизан тут же сообщить по радио в ближайший полицейский пункт и занять оборону вокруг дома. Поистине несладко жить в постоянном страхе.

Борьба между режимом господства белых в Родезии и родезийскими партизанами ширится день ото дня. Это последние конвульсии колониализма. Одного высокопоставленного южноафриканского генерала спросили, как долго сможет, по его мнению, продержаться режим белого меньшинства в Родезии. «Максимум — два года,— ответил он быстро.— Минимум — шесть месяцев». Это признание оголтелого расиста очень примечательно. Признаки краха режима видны в Родезии повсюду. Среди белых в стране растут пессимизм и паника. В прошлом году эмигрировало около 10 тысяч белых родезийцев. Ян Смит, главарь родезийских расистов, признал в беседе с корреспондентом американского журнала «Ньюсуик», что многие белые (по некоторым подсчетам 50 процентов) уедут из Родезии, если будет снят валютный контроль и они смогут вывезти из страны свои деньги.

В страхе перед растущим гневом коренного населения расисты в спешном порядке укрепляют свою армию. После того, как рухнула четырехсотлетняя португальская колониальная система, Родезия оказалась в окружении независимых африканских государств, если не считать отрезка общей границы с ЮАР протяженностью 200 километров. Для обороны тысяч километров своих границ от проникновения партизан родезийская армия сосредоточила 13 тысяч солдат и полицейских и мобилизовала 40 тысяч резервистов. Возможности для пополнения армии расистов ограничены, так как в Родезии насчитывается 280 тысяч белых против 6 миллионов африканцев. Поэтому власти Солсбери формируют новые подразделения из бывших сотрудников ПИДЕ —

С рассвета африканские дети работают на полях, чтобы помочь родителям прокормить семью. А вернувшись в деревню за колючей проволокой, они еще долго стоят по стойке «смирно», пока солдаты в поисках оружия обыскивают маленьких «мятежников».

«ПАЛЕСТИНЦЫ»

Кадр из фильма.

Кинокамера выхватывает из толпы скорбные лица, останавливает бегущие по щекам слезы. Кто они, эта женщина в траурном, черном платье, этот ребенок, прижавшийся к коленям матери? Палестинцы, народ-изгнанник.

О его судьбе рассказывает документальный фильм «Палестинцы», созданный политическим обозревателем Советского радио и телевидения Ф. Сейфуль-Мулюковым (режиссер Е. Поздняк, оператор Н. Даньшин). Используя архивы кинохроники, документальные кадры, кинофотоматериалы Организации освобождения Палестины, авторы фильма создали взволнованную и гневную картину о трагедии палестинцев.

Еще на первом конгрессе сионистов в Базеле была выдвинута разбойничья доктрина, призывавшая евреев к колонизации Палестины. О том, что эта земля на протяжении многих веков была родиной тысяч арабов, старались не упоминать. «Палестинцы? Кто такие? Я не знаю такого народа»,— говорила Голда Меир. «Не знали» такого народа и сионистские штурмовики, уничтожившие в апреле 1948 года 250 мирных жителей деревни Дейр-Ясин.

Месяц спустя после этой варварской резни в Тель-Авиве было провозглашено создание Израиля. «Без победы в Дейр-Ясине не было бы государства Израиль»,— откровенно признавали ветераны сионизма. С первых же дней Тель-Авив огнем и мечом начал перекраивать границы Ближнего Востока. В ходе войны 1948 года Израиль расширил свою территорию на одну треть. Палестинские земли к западу от реки Иордан вошли в состав королевства Иордания. Территория Газы отошла под контроль Египта. Так с географических карт исчезла Палестина. Так появилась проблема палестинцев.

Вот один из них. Вглядитесь в его лицо, иссеченное морщинами.

— Меня зовут Абу Рабах, я крестьянин из деревни Тлиль на севере Палестины. Мы ушли оттуда весной 1948 года. Сначала жили в палатках, думали, что война кончится и мы вернемся в свою деревню. Но прошла весна 1948 года, вторая весна, третья, и ничего не изменилось. Мои дети и внуки родились в этом лагере.

Но, потеряв родину, палестинцы не исчезли как народ, не потеряли свою культуру и самобытность. В тяжелейших условиях, пережив четыре войны и 28 лет изгнания, они создали отряды Сопротивления, профсоюзы, общественные организации, школы, печать.

Фильм знакомит нас с одним из создателей Организации освобождения Палестины, Ясиром Арафатом, известным поэтом Махмудом Дервишем, художником Ибрагимом Ганнамом, партизаном Абу Ауном, учительницей Сухейля Алями. Они говорят о страданиях и борьбе своего народа, о поддержке, которую оказывает им Советский Союз, последовательно выступающий за обеспечение законных прав арабского населения Палестины.

А. СТЕПАНЕНКО

Превратив свой дом в крепость, семья белого фермера круглосуточно несет вахту, чтобы обезопасить себя от неожиданных атак партизан.

На важнейших автомагистралях движение транспорта происходит под охраной вооруженного конвоя.

Фото АП — ТАСС
и из журнала «Штерн».

португальского гестапо, оставившего по себе весьма недобрую память. Кроме того, благодаря широкой рекламной кампании сюда прибывают наемники со всех концов света: американцы — участники войны во Вьетнаме, бывшие солдаты иностранного легиона, парашютисты, авантюристы всех мастей.

Репрессии являются неотъемлемой частью политической системы расистского государства. Число политических заключенных, преданных суду (само собой разумеется, судебное разбирательство велось при закрытых дверях) и приговоренных к тюремному заключению, растет с каждым днем. Но гораздо больше тех, кто томится в тюрьмах — подчас в течение почти 10 лет — без суда и следствия, и тех, кого продолжают держать в заключении в течение многих лет после того, как срок, к которому они были приговорены, уже истек.

Тюремное заключение не единственный способ изоляции тех, кто кажется подозрительным Яну Смиту и его полиции. Используется также предписание о месте жительства.

Предписание о месте жительства — это фактическое заключение африканцев в местах, которые белые власти Солсбери называют «охраняемыми деревнями». Речь идет об укрепленных лагерях, которые начали создаваться с 1972 года. Люди, вынужденные жить в таких деревнях, имеют право покидать лагерь лишь с 6 утра до 6 вечера, чтобы пойти на работу. При выходе с территории лагеря и при возвращении они должны предъявлять охранникам свою регистрационную карточку. Полиции разрешено стрелять без предупреждения в любого жителя такой «деревни», который окажется за ее пределами после комендантского часа. Эти лагеря, в которых живет от 100 до 300 тысяч африканцев, расположены главным образом в северо-восточной части страны, то есть там, где ведется наиболее активная партизанская война.

Африканцы живут в «охраняемых деревнях» в антисанитарных условиях и в тесноте, страдая от болезней и голода.

Типичная «охраняемая деревня» занимает 100 акров земли, и в ней живет до 2 тысяч человек. Деревня обнесена изгородью из колючей проволоки высотой более двух метров. Ночью она освещается прожекторами и патрулируется вооруженными охранниками.

Сгоняя африканцев в деревни за колючей проволокой, власти Солсбери преследуют цель изолировать партизан от гражданских жителей и таким образом сдержать расширение партизанской борьбы.

Родезийские власти не гнушаются и казнями противников расистского режима. За период с 1965 года было казнено более 60 человек. Это были партизаны или деревенские жители, обвиненные в том, что они оказывали помощь партизанам или прятали их.

Несмотря на ужесточение репрессий против африканского населения и спешное формирование новых воинских частей для подавления партизанского движения, неизбежность банкротства власти белого меньшинства очевидна. Крах расистского режима Солсбери неминуем.

В. ДУНАЕВ

«МЕЛЕКСЫ» НА ВАРШАВСКИХ УЛИЦАХ

«Мелекс» — это универсальная электрическая тележка. Ее создали на заводе транспортного оборудования в городе Мелец. Многие годы она служила игрокам в гольф, теперь используются прогулочные, багажные и экскурсионные электромобили этого типа. Первые «Мелексы» появились в Варшаве два года назад. Сегодня их можно встретить и в других городах Польши. Багажные тележки типа «Мелекс» используются во внутризаводском транспорте и в варшавском аэропорту «Окенце».

Туристы во время прогулки на «Мелексе».
Польское агентство «Интерпресс».

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

Смерть вырвала из рядов русской советской поэзии замечательного художника слова Михаила Луконина. Его поэзия рождена нашим временем, весь творческий путь Михаила Луконина определялся коммунистическими идеалами, чаяниями и надеждами народа.

Он познал в юности труд рабочего на Сталинградском тракторном заводе и в полной мере испытал ратную солдатскую страду в годы Великой Отечественной войны. Там формировался мужественный поэтический голос Луконина. «Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой»,— сказал он вскоре после войны, и слова эти стали девизом для многих молодых людей, победивших в борьбе с фашизмом.

Сейчас, когда мы прощаемся с ушедшим так рано от нас товарищем, трудно осознать все значение Михаила Луконина в развитии советской поэзии. Ясно понимаешь одно: современный советский поэт — это строитель, солдат, глашатай эпохи. И быть на уровне политических и эстетических требований нашего века может лишь духовно цельный, глубоко мыслящий художник. Таким был Михаил Луконин.

Во фронтовом поколении поэтов он выступал запевалой. Творчески воспринятые традиции В. В. Маяковского придали его стихам яростную гражданскую силу. В свою очередь, творчество Михаила Луконина оказало серьезное воздействие на более молодых художников. Они учились у поэтов фронтового поколения, в том числе и у Луконина, гражданской зоркости, пониманию принципов народности искусства, принципов интернационализма.

Вспоминаю беседы с Михаилом Лукониным, его выступления по проблемам литературы, его лаконичные и точные оценки явлений поэзии и думаю, каким аналитически острым был его ум!

В молодости Михаил Луконин занимался спортом. И когда я смотрел на его крепко сбитую, коренастую фигуру, то считал, что такого человека должно хватить на много лет, жизнелюбие било через край его неутомимой натуры.

Поэзия, сотворенная им, будет жить и будет нравственно обогащать будущие поколения нашего народа.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Дебют согласия

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ЮМОРЕСКА

Честное слово, хорошая игра — шахматы! Конечно, по части остроты или спортивного накала она, может, и уступает лото или подкидному, но зато что касается пользы, то тут шахматам равных нету. Я в этом на своем опыте убедился. Мне шахматы, можно сказать, семью спасли и душевное спокойствие. Раньше-то мы с женой ссорились чуть не каждый день. Семья прямо на глазах разваливалась!

И тогда выучились мы в шахматы играть. Вот этот-то общий интерес нас и спаял. Стали мы на шахматном языке разговаривать. Раньше, если я, допустим, поздно домой возвращался, вовлекала меня жена в диспут о семейной жизни, который чуть ли не до утра продолжался. К утру, бывало, так охрипнешь, как будто всю ночь в кафе-мороженом просидел. Теперь же, если я задержусь, жена встречает меня в прихожей с шахматной доской в руках. Расставляем мы быстренько фигуры и, ни слова друг другу не говоря, садимся за партию. Поскольку в этой ситуации инициатива жене принадлежит, я ей, как джентльмен, белый цвет уступаю.

Любому гроссмейстеру известно, что в шахматах глубокий смысл скрыт. Вот мы с женой и стараемся этот смысл раскрыть. Скажем, сделала она первый ход пешкой. Я сразу догадываюсь, что это означает: «Я для тебя просто пешка! Вожусь целый день с кастрюлями, а тебе до меня никакого дела нет! Ты меня ни капельки не уважаешь! И вообще!»

Я в ответ сразу коня вывожу, как бы желая этим подчеркнуть: «Работаешь целый день, как лошадь, приходишь усталый, а тебя только попреками встречают!»

Жена делает ход слоном, словно бы заявляя: «Слон толстокожий. Вот и ты такой! Сам шляешься неизвестно где, а меня в театр уже два года не приглашал...»

Вывожу второго коня, развивая свой немой диалог: «Помимо работы, везу на себе целый воз общественных нагрузок. Какие уж тут театры!»

Жена тоже конем ходит, что нетрудно расшифровать так: «Ты думаешь, что ты один устаешь! Я работаю не меньше тебя, да еще на мне домашнее хозяйство...»

Я ставлю своего коня рядом с конем жены: «Ну, можно ли сравнивать твою работу с моей? Разве у тебя такая ответственность?!»

Жена моментально делает рокировку: «Ах, так?! Ну и оставайся со своей работой! А я ухожу к маме!»

После некоторого раздумья я двигаю вперед пешку от королевы, как бы говоря: «Я давно знаю, что ты просто пешка в руках своей мамы! Это она тебя против меня настраивает, старая кочерга!»

Жена со стуком бьет мою пешку своей. Я-то знаю, что она этим хочет сказать: «Не смей трогать маму! Она всем для нас пожертвовала!»

Я, не будь дурак, ем белую пешку черной королевой. То есть иными словами: «Твоя мама меня съесть готова!»

Жена бьет моего коня своим слоном и объявляет шах моему королю. Это означает: «Завтра же схожу к тебе на работу и пожалуюсь твоему начальнику, как ты относишься ко мне и к моей маме!»

Ну, дальше следует обмен угрозами, разные тактические выпады, а заканчивается все, как правило, массовыми разменами. Завершается наш поединок обычно вничью ввиду, как говорится, взаимного истощения сил. Обменизаемся мы рукопожатием и, дружески обняв друг друга за плечи, идем пить чай. Может, вы мне не поверите, но за последние два года не сказали мы с женой друг другу ни одного грубого слова. Вот так спорт и принес в нашу семью мир и согласие. Жаль только, что не знаком я лично с изобретателем шахматной игры. Хотелось бы поблагодарить его душевно и пожелать здоровья и долгих лет жизни.

Ну, а если кто-нибудь заинтересуется моим опытом, могу выслать ему составленный мною толкователь шахматных ходов. Думаю, он об этом не пожалеет...

ЛОЛА

В комнату вошел человек в элегантном костюме.

— Правда, хорош костюм? — спросила заведующая лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института искусственного волокна Александра Васильевна Волохина.

— Конечно, — согласился я.

— Можете себе представить: не горит даже при температуре свыше тысячи градусов, — продолжала Волохина. — Создавая огнестойкую одежду для космонавтов, мы помещали полоску ткани в камеру с чистым кислородом и поджигали ее снизу. Требовалось, чтобы пламя само затухало на уровне, не превышающем ста миллиметров. На основе двух мономеров, которые разрабатывали Тульский институт мономеров и Институт органической химии Сибирского отделения АН СССР, нам удалось получить негорючее искусственное волокно. Вот как раз Виктор Иванович Теренин, — Волохина посмотрела в сторону молодого человека в спортивном костюме, — сделал первый образец полимера, из которого получилась «лола». Начальные буквы — инициалы полимера, потом кто-то в шутку добавил к надписи на колбе «ла». Название всем понравилось. Так вот, волокно мы получили, но когда стали его испытывать, пламя затухало чуть-чуть выше нужного уровня. Пришлось начинать все сначала. Хорошие результаты дало сочетание «лолы» и полифена. И тут нам помог филиал нашего института в Ленинграде, которому на основе разработанного ВНИИВом коричневого полифена удалось получить белый, а потом и голубой. В сочетании с темной «лолой» это выглядит очень красиво. И полоска волокна теперь затухает уже на уровне пятидесяти миллиметров.

Советские космонавты Филипченко и Рукавишников оценили костюмы непосредственно в полете. Замечаний не последовало. Но мы будем и дальше работать над материалом — снижать его вес, улучшать качество. И, как всегда, нам помогут институты трикотажной промышленности, гигиены и другие.

— Можно ли ожидать, что ваше волокно в будущем будет использовано не только космонавтами?

— Да, нам, конечно, хочется, чтобы оно нашло более широкое применение. Это следующий этап работы...

Ю. ЛУШИН

Л. И. ШУМАН

Ушел от нас Лев Исаакович Шуман, член КПСС с 1945 года, кавалер медалей «За трудовое отличие», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», один из старейших работников издательства «Правда» и журнала «Огонек».

Еще в 1932 году, двадцатилетним юношей, пришел Лев Шуман в журнальный сектор издательства «Правда», работал выпускающим «Иллюстрированной газеты», техническим редактором, а затем — ответственным секретарем редакции. С 1946 года вся жизнь Л. И. Шумана неразрывно была связана с работой в редакции журнала «Огонек». Являясь высококвалифицированным специалистом полиграфического производства, Л. И. Шуман работал старшим техническим редактором журнала и много сил отдал повышению качества в оформлении «Огонька». Его любили и уважали товарищи, высоко ценили его мастерство.

В 1971 году Лев Исаакович Шуман ушел на заслуженный отдых, но связи с «Огоньком» не утратил, являясь до последних своих дней членом партийной организации редакции.

Мы всегда будем помнить нашего товарища-огоньковца Льва Исааковича Шумана.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В № 13 «Огонька» за 1973 год была напечатана статья С. Калиничева «Нет повести печальнее на свете...».

После дополнительной проверки фактов, изложенных в ней, установлено: Ф. П. Лещенко, будучи заместителем начальника главка «Укрглавлесбум», действительно содействовал в получении прописки в г. Киеве Д. А. Саркисовой, проявлял нетактичность по отношению к отдельным подчиненным, за что ему партийными органами объявлен выговор. В то же время редколлегия считает, что ряд фактов, в том числе и якобы имевшие место корыстные взаимоотношения между Ф. П. Лещенко и Д. А. Саркисовой, подтверждения не нашли, в результате чего обстоятельства дела тов. Лещенко получили в статье тенденциозную окраску, за что редколлегия приносит свои извинения тов. Лещенко.

Автору статьи строго указано.

КРОССВОРД

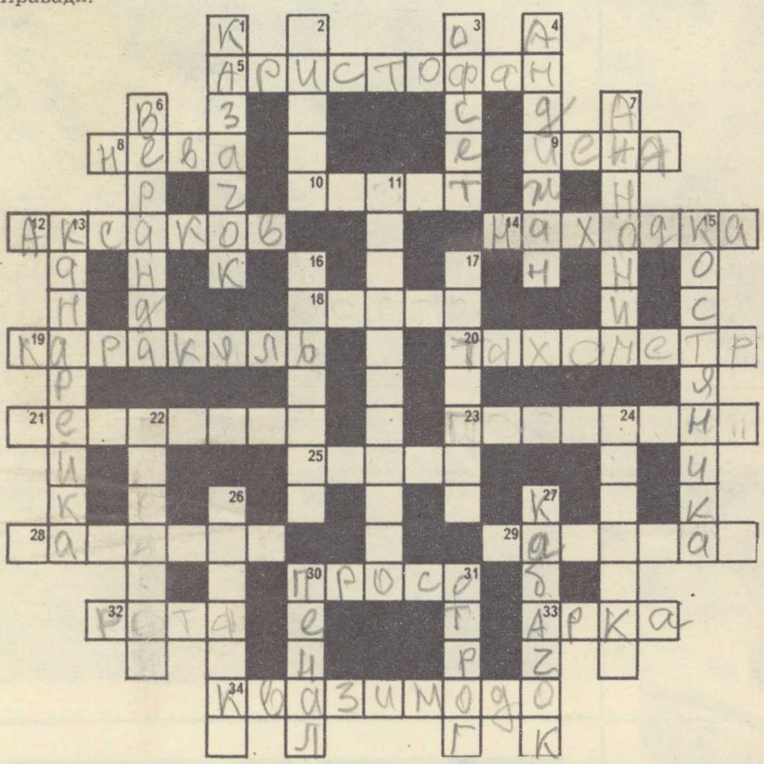
По горизонтали: 5. Древнегреческий комедиограф. 8. Река в СССР. 9. Денежная единица Японии. 10. Спортивный снаряд. 12. Русский писатель. 14. Город в Приморском крае. 18. Лососевая рыба. 19. Мех. 20. Прибор для измерения числа оборотов в минуту. 21. Рассказ А. П. Чехова. 23. Элементарная частица. 25. Озеро в Финляндии. 28. Южное дерево. 29. Действующее лицо трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 30. Злак. 32. Войсковое подразделение. 33. Дугообразное перекрытие. 34. Персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери».

По вертикали: 1. Украинский танец. 2. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 3. Способ печатания. 4. Областной центр в Узбекистане. 6. Летняя пристройка к зданию. 7. Слово, противоположное по значению другому слову. 11. Итальянский композитор. 13. Птица. 15. Лесная ягода. 16. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 17. Металл. 22. Ударный инструмент. 24. Ответная реакция организма. 26. Пьеса А. Н. Толстого. 27. Сорт тыквы. 30. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 31. Ответвление основной горной цепи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 7. Пермь. 8. Матлот. 9. Алмаз. 10. Водевиль. 11. Телеграф. 12. Мопед. 14. Сахара. 16. Анкер. 17. «Муму». 18. Кадр. 21. Шашка. 23. Сфинкс. 26. Лицей. 28. Петрушка. 29. Некрасов. 30. Мозли. 31. Бенуар. 32. Галоп.

По вертикали: 1. Тампере. 2. Телегин. 3. Геродот. 4. Калька. 5. Контур. 6. Парапет. 13. Домра. 14. Самос. 15. Аванс. 16. Аврал. 19. Баженов. 20. Сенокос. 22. Королев. 24. Фланец. 25. «Кинжал». 27. Иравади.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На аэродроме Ейского высшего авиационного училища летчиков идут ночные полеты. Гудя турбинами, самолеты уходят в звездное небо. В этих полетах крепнут крылья будущих пилотов, закаляется их воля, оттачивается мастерство. За смелость и находчивость, проявленные в воздухе, командование наградило курсанта-выпускника Владимира Широбокова именными часами.

Фото А. Рябко. (На фотоконкурс. Краснодар.)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На солнечной поляне. Фото В. Купрова. (На фотоконкурс. Москва.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/VII — 1976 г. А 00693. Подп. к печ. 10/VIII — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2048. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2579.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВЛКСМ UJC ФЕСТИВАЛЬ ДРУЖБЫ

«ЖДЕМ В ГАВАНЕ!»

Ю. СТРОЕВ,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

— Как тебя зовут?

— Гладис. Я учусь в школе-интернате имени Ленина на Кубе.

— Как ты попала в Молдавию?

— В нашей школе побывал Леонид Ильич Брежнев. Он сказал, что отличники будут проводить каникулы в Советском Союзе. У меня круглые пятерки, и вместе с друзьями я приехала на фестиваль, а потом поедем отдыхать в пионерский лагерь «Орленок».

Мы познакомились с Гладис в совхозе-училище виноделия и виноградарства под Кишиневом, где в эти дни разбил свой лагерь 1-й фестиваль дружбы советской и кубинской молодежи. Сюда приехали 500 юношей и девушек из разных уголков Кубы и Советского Союза. А через два года, в 1978-м, молодые посланцы всего мира соберутся на Кубе. Это будет XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. И первый шаг к нему сделан здесь, в Кишиневе.

Среди делегатов — двадцатисемилетний Андрей Чепелев. Он работает токарем-карусельщиком в Челябинском тракторном объединении. Член КПСС, девятую пятилетку закончил за два с половиной, а эту обязался выполнить за три года. Андрей, лауреат премии Ленинского комсомола, сегодня стал инициатором движения за высококачественный труд. Вот что он мне сказал:

— От молодежи ждут решения многих важных и трудных проблем как сегодня, так и в будущем. А решить их можно лишь при условии мира на всей земле. И мы должны все время чувствовать себя ответственными за происходящее вокруг нас.

Роберто Альварес Бланко — шофер на международных линиях.

— Только сейчас я не водитель, а очень любознательный пассажир,— смеясь, говорит он мне.

Четыре года назад по призыву Союза молодых коммунистов был создан ударный отряд мачетерос на плантациях сентраля «Сандино». И все годы Роберто работал на сафре в этом отряде.

— Твой самый памятный день в жизни?

— Когда мне вручили билет члена Союза молодых коммунистов Кубы.

Их называют наследниками великого дела — дела, которому посвятили свою жизнь Владимир Ильич Ленин и Хосе Марти. «Тысячи километров пролегают между родиной Великого Октября и героическим островом Свободы. Но нас каждодневно, ежечасно связывают нерушимые узы братской дружбы, которая вобрала в себя самые лучшие качества, выработанные человечеством, и является собой социалистический интернационализм в действии». Это слова, с которыми обратился к участникам фестиваля Леонид Ильич Брежнев. Его приветствие зачитал первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл. В ответ — гром аплодисментов всего зала дворца «Октомбрие». «Дружба — Амистад! Вива Куба! Да здравствует нерушимая советско-кубинская дружба!»

Да, тысячи километров разделяют СССР и Кубу, но тысячи невидимых нитей связывают наши страны, нашу молодежь.

— Знаете, на Кубе тоже есть БАМ — так называем мы железнодорожную магистраль, которая с запада на восток протянется через республику,— говорит Хосе Перес Милен, инженер из Сьюдад де Ховельянос.— И целина у нас есть — это остров Пинос. Десять лет назад на пустынный берег высадились первые отряды кубинских комсомольцев, а сейчас там растут апельсины.

— Что за орден у тебя на груди? — спросил я у Хосе.

— Орден «Хулио Антонио Мелья». Это имя одного из основателей коммунистической партии нашей страны, который погиб за освобождение родины от ига диктаторов. Мелья был нашим ровесником.

Есть в Кишиневе священное место — Мемориал воинской славы. Весь город собрался здесь вместе с делегатами фестиваля на митинг-реквием в память о героях, павших в борьбе с фашизмом. На лицах блики факелов и Вечного огня. Минута молчания. Звучат залпы салюта. На мрамор ложатся цветы. Молодые дают клятву верности делу отцов...

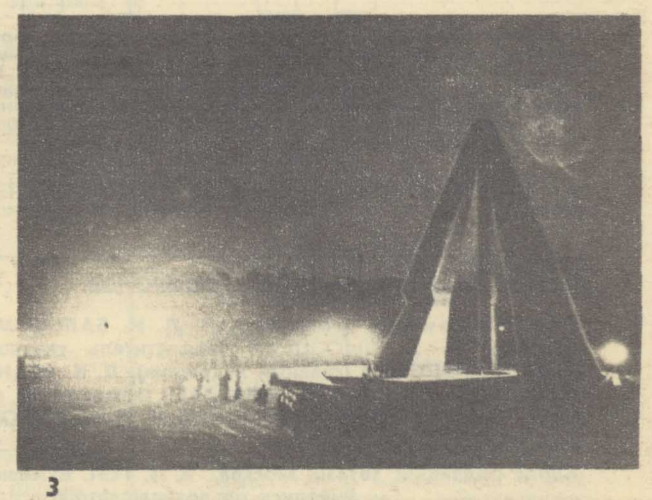
Но фестиваль — это и праздник. Танцевали до глубокой ночи, на концертах советские и кубинские артисты показывали свое мастерство. А днем в зале республиканского общества «Знание» шли заседания. Их участники обсуждали, как лучше работать, как воспитывать молодежь, как привить ей дух творчества.

— Нас интересует все: и работа комсомольских организаций, и молодежные бригады, и студенческие научные общества,— говорит Хесус Диегес Греньер, член секретариата Национального комитета Союза молодых коммунистов Кубы.— Ведь многое мы сможем использовать у себя. Я думаю, получится. На Кубе молодежь боевая. Приезжайте в 78-м к нам на Всемирный фестиваль. Ждем в Гаване!

1

2

3

4

5

6

1 У штурвала колхозного трактора.

2 Здравствуй, Куба!

3 Мемориал воинской славы. Митинг-реквием.

4 Амистад! — Дружба!

5 Выступает ансамбль «Жок».

6 «Я — рабочий»,— говорит Фелиппе Гонсалес своим новым друзьям.

7 «Напиши мне свои адрес!»

7

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663